

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

**БОЕВАЯ
ЕДИНИЦА**

Практикантка

Артем Каменистый

Боевая единица

«ЭКСМО»

2006

Каменистый А.

Боевая единица / А. Каменистый — «Эксмо»,
2006 — (Практикантка)

ISBN 978-5-9922-0022-5

Зря Алина покинула Монастырь, очень даже зря... Большой Мир только и дожидался этого, чтобы устроить ей неприятности по полной программе. Опять одна, на улицах большого города, ставшего для нее опаснее дикой тайги. Агенты странного магистра, спецслужбы, Тринадцатый со своей смертоносной свитой... всем нужна эта неуловимая воспитанница. И они ее находят, вот только как бы не пришлось потом пожалеть... Ночной бой освещают залпы спутниковых батарей, зомби, люди и нелюди сходятся в ожесточенной схватке, где важна не численность...

ISBN 978-5-9922-0022-5

© Каменистый А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Артем Каменистый

Боевая единица

*И нет в сердцах страха, нам он неведом.
И хищным зверем станет каждый из нас.
И устрашится враг, заслышав наш рык.
И когти наши будут расти из Монастырей...*

Орден. Тест памяти «Первая Клятва»

Пролог

Фарчет Нгбор стоял на маленьком рукотворном холме. Еще при подходе к этому месту он коснулся сознания своей стаи и определил, что перед ним действительно искусственное сооружение. Сканирование объекта показало однородно-хаотическую внутреннюю структуру, за исключением центральной части. Там располагалось несимметричное сооружение из твердых частей местных растений, внутри него виднелись обожженные части скелетов двух аборигенов и большого числа копытных животных. Среди костей можно было различить предметы хозяйственного назначения и образцы примитивного оружия.

С таким оружием гладкокожие двуногие аборигены пытались дать отпор объединенной стае двух квари. Фарчет Нгбор не ожидал, что они решатся на подобную дерзость, так что дикари застали его врасплох. Он просто не успел остановить рывок голодных служак – те смели добычу одним мощным, сокрушающим ударом голой силы, вырвав жизни из грязных тел. Жаль, а высшие поэтому остались без забавного зрелища. Но кто же мог ожидать, что мясо окажется безрассудным настолько, что решится на сражение с демонами?

Из-за ближайшего жилища, сделанного из тех же растений и грубо выделанной кожи копытных животных, вышел Майр Габор. Фарчет встряхнул левой боевой конечностью, вызвав треск хитиновых пластин, показывая этим красноречивым жестом свое отношение к неумному любопытству юного князя. Ну что можно найти интересного в этом диком поселении на бедной далекой планете? Однако молодой квари упрямо заглядывал во все доступные углы. Наставник не раз делал прозрачные намеки на то, что подобное поведение может сказаться на статусе, но тщетно – завуалированные угрозы не оказывали ни малейшего эффекта.

– Нашел ли ты большие ценности в этом селении грязных пожирателей кала? – издали поинтересовался Фарчет Нгбор, не скрывая насмешки.

– Ценностей здесь нет, – ответил молодой князь.

– Ничего удивительного, даже фиболо со своей страстью к сбору разной рухляди не нашли бы для себя ничего подходящего. Этот мир нищ и холоден, я не хочу здесь больше оставаться.

– Но мы еще не накормили наши стаи. Слуги голодны, многим из них не пережить холод межпространства.

– И не накормим. Этот планетоид беден, не думаю, что его населяет больше полумиллиона разумных особей. Их раса слаба, а местные хищники огромны и сильны, жаль только, что в них так мало горячей жизни. Здесь почти нет ресурсов, мы с тобой можем странствовать годами, но так и не накормим стаи досыта. Как на подобных просторах разыскивать столь малые поселения?

– Да. И эти аборигены хитры, они не сидят на месте, перемещаются по поверхности планетоида вместе со своими жилищами и животными. Фарчет Нгбор, я вижу странное зрелище, оглянись же.

Зрелище и впрямь было удивительное – меж рукотворных холмов шел абориген. Моторика и состояние кожных покровов свидетельствовали о его преклонном возрасте, кусок древесины в руках, покрытый спиральными узорами, выполнял функции дополнительной точки опоры, а не оружия, как сперва подумал было Фарчет Нгбор. Тело старого самца закрывало одеяние из шкур мелких животных с густой шерстью, на шее висело несколько ожерелий из клыков животных и высушенных пальцев дикарей.

Преодолев первую растерянность, молодой князь произнес:

– Как он смог остаться живым после удара стаи?

– На этот вопрос у меня нет ответа, – признал Фарчет Нгбор.

– Может, он в тот момент был слишком далеко? – неуверенно предположил Майр Габор.

– Не произноси пустые слова. Этот абориген очень стар, он не смог бы пройти за это время большое расстояние. Даже на спине животного невозможно двигаться так быстро. Он смог выдержать удар.

– Но как это могло получиться? – изумился молодой князь.

– У меня нет ответа на твой вопрос. Но сейчас мы будем его искать.

К этому моменту старый самец приблизился к подножию холма, остановился, поднял свой кусок растения, направил его на князей квари, начал издавать протяжные, ритмичные звуки.

– Что он делает? – вновь изумился Майр Габор.

– Ответа нет, – признал Фарчет и ударил аборигена легкой волной.

Дикарь пошатнулся, издал протяжный, заунывный звук, выпрямился, вновь выставил кусок растения. Было заметно, что его движения стали менее уверенными, но других последствий удара не наблюдалось. Старый князь едва верил своим органам чувств – разум отказывался принимать столь дивный факт. Не сдержавшись, он обрушил на аборигена всю свою силу, не просто вырвав из его тела жизнь, но и растворив ее в пространстве без всякой пользы. Впрочем, сколько ее было, той жизни, в этом скрюченном теле?

– Он все-таки умер, – констатировал Майр Габор.

– Да, но смог пережить первый удар. Я вижу это впервые.

– У тебя есть ответ?

– Нет. Есть мысль, но она может быть далека от истины.

– Мне будет интересна даже мысль, – оживился молодой князь.

– Хорошо, ты ее услышишь. Майр Габор, знаешь ли ты про наследственные признаки, определяющие полный облик созданий этой расы?

– Да, в этом нет ничего удивительного. Стандартный механизм для существ подобного типа.

– На этом планетоиде высокий радиоактивный фон, он способен повредить молекулы белка, несущие наследственную информацию. Кто знает, вдруг слепой случай привел к появлению подобных мутантов, способных защищаться от наших ударов?

– Никогда о подобном не слышал!

– Я тоже. Но Вселенная огромна, кто знает, какие чудеса она скрывает?

– Фарчет Нгбор, ты считаешь, что абориген с такими способностями был не один?

– Да, скорее всего. Их механизм наследования позволяет передавать новоприобретенные признаки потомству.

– Но мы уничтожили все поселение, никто не смог защититься.

– Стая нанесла слишком мощный удар, ты же видел, что такому он не смог противостоять. Если и были подобные аборигены, то погибли. Он остался в стороне, его зацепило краем. Выжил только благодаря этому.

– Интересно. Жаль, что мы убили всех, можно было бы показывать этих дикарей как поразительную диковинку.

– Всех мы не убили. Эти аборигены не могут скрещиваться друг с другом в пределах столь малых обособленных групп. Подобное приведет к быстрому вырождению. Нет, они должны спариваться с жителями остальных поселений.

– Интересно. Фарчен Нгбор, а есть ли польза в подобном знании?

– Неизвестно. Майр Габор, мы нашли то, что удивляет. Теперь у нас есть другая цель.

– Мы не станем преследовать фиболо?

– Нет. Это светило нестабильно, вскоре произойдет коллапс. Вся жизнь на планетоиде погибнет, а с нею и все аборигены с удивительным свойством. Сейчас мы начнем путешествие в поисках других поселений, и при этом будем думать. Много думать.

– О чем мы будем думать?

– Надо понять, что нам может принести новое знание.

С этого все и началось.

Глава 1

В десантном отсеке было сумрачно и сильно воняло нефтепродуктами. Воспитанницы сидели бок о бок, прислонившись парашютными мешками к вибрирующей обшивке, на коленях расслабленно покачивались компактные пистолеты-пулеметы. Самолет плавно повернул, чуть завалившись при этом на крыло, с надрывом взревели двигатели, машина медленно выровнялась. Замигала сигнальная лампочка, девушки дружно подняли головы, одновременно встали.

Лина пробежалась взглядом по амуниции, инстинктивно проверила натяжку ремней. Подняла руку, щелкнула переключателем. Пятнадцать – двадцать секунд, и оптоэлектроника прогреется, прибор ночного видения заработает. Инструктор пристегнула себя страховочным ремнем, рывком откатила дверь в сторону, отвесила приглашающий жест. Первой пошла Мия, она отвечала за навигацию группы, за ней шагнула Вика – лучший снайпер Монастыря по результатам этого года. Лина была пятой. Опустив на глаза маску ноктовизора¹

девушка, привычно оттолкнувшись, окунулась в зеленоватую тьму ночного неба.

Подчиняясь вдолбленному до автоматизма порядку действий при ночном десантировании на средних и больших высотах, Лина проворно извернулась, выровнялась, уверенно пошла за Мией. На плечах и бедрах ведущей сверкало несколько инфракрасных светильников, по ним ориентировались остальные девушки. Сгруппировавшись в короткий сдвоенный строй, воспитанницы неслись к цели.

Под ними, сияя миллионами огней, расстился исполинский мегаполис. Время было не слишком позднее – большинство горожан все еще бодрствовали, а любители ночной жизни как раз покинули свои убежища. Но даже если кто-нибудь из них взглянул бы сейчас в небеса, то не увидел бы ничего необычного. Самолет шел на большой высоте без бортовых огней, а инфракрасное излучение маячков невозможно заметить невооруженным глазом.

Мия плавно подкорректировала курс, группа послушно повторила ее маневр. Ведущая ориентировалась по электронной карте спутникового навигатора, закрепленного на ее предплечье, вторая воспитанница контролировала ее действия по своему прибору. Лина недовольно зажмурилась – по глазам ударил яркий луч. Его направили с земли техники Ордена для визуальной привязки. Излучение было слабым и узкополосным, но оптоэлектроника усилила его просто немилосердно – если бы не светофильтры, травмы сетчатки не избежать.

Но Мия не стала отказываться от навигационной информации. Она спокойно могла обойтись и без корректировки с земли. Чуть изменив масштаб карты, она убедилась, что группа движется точно к цели – маленькому крестику. Пользоваться радиосвязью на передачу до начала штурма было запрещено, но ведущую это не смутило. Подав условный сигнал, она раскрыла парашют, переждала болтанку, и, управляя снижением, продолжила спуск. Его траектория должна быть близкой к идеалу – цель небольшая и не слишком удобная для посадки.

Крестиком была помечена крыша высотного здания.

Высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока бесцеремонно продрался через толпу растерянных спецназовцев, подошел к подъехавшему грязно-желтому автобусу и обрушился на первого же человека, ступившего на асфальт:

– Я начальник штаба операции и имею право знать все! Что здесь происходит?!

Не менее высокий, но более плечистый мужчина безразлично скользнул взглядом по фигуре полковника, равнодушно поинтересовался:

– Марков?

---

¹ *Ноктовизор* – прибор ночного видения, дает изображение преимущественно в зеленых тонах

- Да!
- Свали в свой штаб, больше ты здесь не начальник.
- Но...
- Умолкни и скройся с глаз. Все вопросы к своему командиру.
- Но он и послал меня узнать, в чем дело!
- Если не исчезнешь, я тебя еще дальше пошлю. Гарантирую – туда на такси не доедешь.
- Да кто вы такой?!
- Моя фамилия Мордвинов, но все величают меня по-простецки – Клещ. Все, свободен.

Да, это... далеко не уходи. Можешь пригодиться.

Взглянув в пронзительные глаза странного собеседника, Марков осознал – больше говорить не о чем. Отступив в сторонку, он с изумлением уставился на публику, выбирающуюся из автобуса. Создавалось впечатление, что прибыла группа артистов оригинального жанра. Приземистый толстячок в черном плаще, высокая, очень худая женщина с проколотым носом и серьгой в нижней губе, парень в облачении хиппи с оранжевым «ирокезом» на голове. Плечистый мужчина в лохматом камуфляже выкатил инвалидную коляску. Посмотрев на сидящего в ней старичка, Марков тут же вспомнил словечко «растение» – оно как нельзя лучше характеризовало внешность и личностные особенности дряхлого дедушки. Если до этого момента он просто ничего не понимал, то сейчас заподозрил, что спит, и даже украдкой ущипнул себя за руку. Такого просто не может быть – подобную публику ни за что не допустят к месту проведения спецоперации.

И тем не менее они были здесь.

А ведь еще недавно все было просто и понятно. Да, ситуация непростая, откровенно рискованная для карьеры, но зато какие головокружительные перспективы открываются в случае благополучного исхода! Команда «стоп» прозвучала десять минут назад, все подразделения тотчас прекратили выдвижение, некоторые были вынуждены возвратиться на исходную позицию. С невероятных верхов поступил странный приказ помогать во всем новой, никому не известной спецгруппе, прибывающей для гарантированного решения задачи. А следом пожаловал автобус цвета поноса с цирковой труппой на борту.

Между тем новая спецгруппа от безделья не страдала, лишь странная пятерка сгруппировалась вокруг инвалида, не вмешиваясь в работу десятка шустрых парней и девушек в синих комбинезонах. Те быстро, но без суеты устанавливали несколько неизвестных приборов, похожих на короткие телескопы. К этому занятию они относились серьезно – тщательно фиксировали треноги, деловито выкручивали регуляторы горизонтального уровня.

Клещ, выслушав доклад одного из техников, понимающе кивнул, направился к Маркову:

– Слышь, полковник, вон тот щит рекламный видишь?

– Ну?

– Сделай так, чтобы через пять минут его там не было. Уважь.

– А зачем? – опешил Марков.

– Надо очень. Техникам он больно мешает, лучи загорживает.

– Какие лучи?

– Солнечные! Он загорать нам не дает! Блин! Ты про пять минут не позабыл?! Или дрыхнуть здесь собрался?! Живо!!!

Ошеломленный Марков тянуть время не стал, быстро отдал необходимые распоряжения. Щит свалили с помощью бронетранспортера. Полковник не успел обернуться оперативно и не застал странноватый разговор спецгруппы. Заметив нетерпеливый жест Клеща, он подошел поближе и наконец услышал ожидаемый вопрос:

– Эй, как там тебя... Полковник. Скажи-ка нам в двух словах – что тут у вас происходит?

Марков умел выражаться лаконично, не подкачал и сейчас:

– Вооруженная группа неизвестной принадлежности пыталась на двух микроавтобусах проехать к центру. При задержании автоинспекцией преступники открыли огонь и укрылись в офисном здании, взяв там большое число заложников. Выдвинули ряд неприемлемых политических требований, пообещали через три часа убить несколько человек. Осталось сорок минут...

– Понятно. Сколько их?

– Трудно сказать. По разным данным, от двенадцати до двадцати человек.

– Какова обстановка?

– Здание одиночное, высотное. Всех заложников загнали на верхние этажи. Лестницы забаррикадированы мебелью, возможно, заминированы, лифты обесточены.

– Ясенько! Выходит, у нас всего сорок минут?

– Так точно! Подготовиться к штурму просто не успеваем. Доступ к системе вентиляции здания затруднен, снайперам работать непросто – строение самое высокое в округе, поблизости нет удобных позиций. Скрытное выдвижение невозможно, слишком открытая местность. Штурмовать с крыши не получится, террористы это предусмотрели. С вертолета видно наблюдателей неприятеля, машину засекут на подлете. По словам противника, у них имеются мощные взрывные устройства и они готовы их применить при малейшей угрозе.

– Хорошо устроились!

– Согласен. Мы ждем подхода команды диггеров, они обещают найти подземный путь к подвалу и системе вентиляции. Газ наготове. Снайперов разместим на трех вертолетах, будут работать с воздуха. Есть и другие удачные замыслы, но до начала расстрела заложников мы не успеваем закончить подготовку. Я так и не понял, чем вы можете нам помочь?

Клещ снисходительно кивнул:

– Расслабься. Помогать будешь ты, основную работу мы сделаем сами.

Повернувшись к странной пятерке, он деловито поинтересовался:

– Все слышали?

– Так точно! – рявкнул мужчина в лохматом камуфляже.

– Пацифист, тебя я спрошу в последнюю очередь, – ухмыльнулся Клещ. – Вводная такова: через двадцать минут подойдет самолет с бешеными монашками, если вы схалтурите, то в здании пострадают не только стекла. Итак, Милка, что ты на это скажешь?

Женщина, перестав теревать серьгу в губе, скучающим тоном произнесла:

– Двое на крыше, трое караулят лестницу, остальных рассмотреть не могу. Они прячутся среди заложников в нескольких комнатах, на фоне такого количества людей их не выделить. Ясно могу разглядеть только семерых, они отдельно от толпы.

– На каких хоть этажах?

– Все на пятнадцатом, кроме тех, что на крыше. Тройка, караулящая лестницу, на пол-этажа ниже.

– Ясно. Чепэ, палец поломаешь! Докладывай!

Толстячок в черном плаще прекратил исследовать свою левую ноздрю и мягким, тихим голосом произнес:

– Далеко. Точный удар провести трудно. Если Мила даст хорошую наводку, могу замочить кого-нибудь на лестнице или крыше. Лучше на крыше, это интереснее и гораздо красивее.

– До нее вроде бы подальше будет? – усомнился Клещ.

– Ну и что? Подчинить себе двигательные функции проще простого. Контроль при этом держится до пяти секунд, за это время я его успею скинуть вниз, – чуть помедлив, добрячок мечтательно произнес: – А до земли лететь далеко-о-о-о-о! И не мягкая земля там, а твердый асфальт! И черепушкой об него – хрясь! И мозги...

– Ладно, Чепэ, проехали, – поспешно прервал его Клещ. – Выведешь из строя кого-нибудь на лестнице. Тех, что на крыше, и без тебя прикончат. Индеец, твоя очередь.

Парень с «ирокезом» покачал головой:

– Я сегодня не в форме. Все, что могу, так это слух закоротить.

– Но хоть с гарантией? – уточнил Клещ.

– Гадом буду! Сами себя будут слышать с двухминутной задержкой. У самых слабых может до тумана дойти. Но не больше – на меня луна плохо действует, она почти полная.

– Хреново, – констатировал Клещ и кивнул на инвалида: – А что с нашим живчиком?

Пацифист отрапортовал четко:

– Состояние удовлетворительное, к выполнению боевой задачи он готов!

Поспешно вытерев струйку слюны, вытекающую из расслабленного рта старика, парень обеспокоенно произнес:

– Лишь бы только он ничего не перепутал.

– А что будет, если перепутает? – насторожился Клещ.

– А ничего хорошего. Видишь, сколько тут вояк и журналистов?

– Ну?

– Дворники неделю дерьмо лопатами грузить будут. Куст если ударит, то на километр вокруг у всех наступит полное расслабление большинства мышц, в том числе и сфинктеров. Знаменитый фокус Нельмы, только в более глобальном масштабе, ей подобное не провернуть.

– Да, такое ей и не снилось, – ухмыльнувшись, согласился Клещ. – А если он работает правильно?

– Мало им не покажется. Целый букет: нарушение координации, аритмия, затруднение дыхания, судороги. Все, кто находится в здании и около него, будут затронуты в разной степени. Длительность до трех минут, не исключена гибель отдельных заложников и террористов. Но на монашек это не подействует, у них щиты. Если он, разумеется, не перепутает. От эффекта Нельмы щит почти не защищает.

– Странно...

– Ничего странного. Дело в том, что еще двадцать лет назад мастера-сенситивы установили, что биполярная составляющая...

– Все! Проехали! – поспешно произнес Клещ. – Ну хоть бы раз встретить среди боевых сенсов нормального человека! Одни психи, на вашем фоне я выгляжу вполне нормальным человеком...

Вытащив пиликающую трубку, он выслушал собеседника, кивнул, повернулся к Маркову:

– Отводи своих орлов. Ближе сотни метров к зданию никому не приближаться до моего приказа.

– Но...

– Спорить некогда. Через десять минут на крышу будут сброшены мои десантники. Если все пройдет по плану, через пятнадцать минут будешь сверлить себе дырку под орден.

– А если не по плану? – не удержался полковник.

Клещ пожал плечами:

– На этот случай дырка у тебя уже есть.

Городской свет создавал воспитанницам осязаемые проблемы. Электроника прибора усиливала его немилосердно: фонари, оконные проемы, огни фар и рекламы полыхали языками зеленоватого пламени. Впрочем, нужная крыша была затемнена, сложностей там не будет. Оценив траекторию, Лина вывернула влево, дабы не угодить на самый край. Остальные девушки поспешно совершали схожие маневры, готовясь к приземлению. Ночь была безветренная, что существенно облегчало боевую задачу.

Лина отчетливо различила темную фигуру на углу крыши. Человек резко вскочил, запрокидывая голову. Как бы тихо не приближались парашютистки, что-то он почувал и теперь

пытался рассмотреть темные прямоугольники на фоне ночного неба. Девушка не расслышала выстрелов – пистолеты-пулеметы были снабжены отличными глушителями, а Вика находилась от нее далеко. Просто человек дернулся, неловко развернулся, упал мешком.

Подошвы ботинок ударили о пластик современной крыши. Просеменив несколько шагов, Лина поспешно погасила купол, освободилась от парашюта. Где-то за лифтовой шахтой трещоткой несколько раз лязгнул затвор пистолета-пулемета, выплюнув скупую очередь. Девушка настороженно вскинула свое оружие, но тут же расслабилась, завидев успокаивающий жест ближайшей воспитанницы. Противник был уничтожен.

Операция проводилась без подготовки, практически с ходу, но каждая из воспитанниц четко знала свое место. Лина сориентировалась по сторонам света, уверенно подошла к западной стороне здания. Торопливо, но без суеты, закрепила трос за растяжку невысокой мачты, венчающей угол лифтовой шахты. Проверив сбрую, убедилась – все в порядке. Теперь оставалось только ждать сигнала по радиосвязи. После условной фразы девушка должна спуститься до пятнадцатого этажа и, разбив стекло, ворваться в угловое офисное помещение. Помимо нее туда же должна направляться Мия. При обнаружении противника они обязаны его уничтожить с минимальными потерями среди заложников и, двигаясь далее по часовой стрелке, зачищать этаж от террористов. Конечный пункт – лифтовая площадка, там они должны были встретиться с другой парой и, зачищая лестницу, спуститься на этаж ниже, где остановиться в ожидании дальнейших распоряжений от наземного руководства.

Восемь воспитанниц заняли позиции по краю крыши, четверо скользнули в чердачную дверь. Сигнал запаздывал – горошина микрофона вела себя тихо, лишь изредка выдавала кодовые фразы, замаскированные под переговоры военных подразделений в дальнем оцеплении. Судя по убогости фраз и одинаковым голосам, в этой примитивной радиопостановке участвовало всего три техника. Причина задержки была неизвестна. Впрочем, начальству виднее.

Тем временем начала брать свое ночная прохлада. Лина прижалась к бортику крыши, все еще хранящему тепло солнечного дня. В голову невольно полезли неуставные мысли. Приказ приказом, но запретить думать невозможно. Девушка понимала: происходит нечто странное. Всей группе выдали обычные боеприпасы, неэффективные против врагов Ордена. Более того, в боевой задаче сказано четко: противники – обычные люди. Было разрешено делать с ними что угодно, лишь бы при этом не пострадали заложники.

С подобной ситуацией Лина не сталкивалась даже в теории. Да, в истории Ордена бывали случаи, когда приходилось сражаться против людей. Но при этом применяли агентов «Всевидающего ока», в крайнем случае обычные боевые группы или спецназ. Дюжина старших воспитанниц и выпускниц, сброшенная на головы террористов... Это не укладывалось ни в какие рамки. На фоне подобной нелепости предупреждение о том, что в операции задействована группа боевых экстрасенсов, уже не удивляло. Охотниц, натасканных на борьбу с акулами, бросили сражаться против кроликов. Зачем? Ответа не было.

Поневоле припомнились многочисленные странности последнего времени. С того момента, когда Лина первый раз пришла в сознание после самой удивительной в истории Ордена выпускной практики, и до того, как вечером ее подняли по тревоге и загнали в вонючее нутро самолета, у девушки накопилась целая коллекция непонятностей. В воздухе витало нечто, что невозможно было ощутить стандартным набором чувств, но оно, без сомнений, существовало. По Монастырю бродили странные тревожащие слухи, даже младшие воспитанницы обнаглели настолько, что сочиняли истории одна нелепее другой.

Внезапно Лина почувствовала, что ухватила ниточку огромного клубка – еще немного, и она его распутает. Но ей не дали на это времени. Горошина наушника зашипела, реагируя на несущую частоту долгожданного сигнала:

– Бубкин! Сука ты недосушенная! Ты там заснул или окончательно сдох? Бегом убрал этих телевизионщиков с козырька, пока они там кино про тебя не сняли!

Из эмоционального высказывания техника Ордена Лина четко усвоила два слова – «Бубкин» и «кино». Первое было сигналом, второе его подтверждением. Поднявшись, она взобралась на бортик крыши, без страха встала спиной к многометровой пропасти, перехватила трос через руку, упираясь подошвами в самый край, завалилась назад, выждала один миг, привыкая к новому положению тела, и пошла вниз. Отталкиваясь от стены, она стремительно пролетала мимо огромных окон. Согласно приказу, спуск необходимо было провести как можно быстрее – нельзя исключать вероятность того, что у террористов есть сообщники в городе. Наблюдатель с хорошей оптикой без труда разглядит темные фигуры воспитанниц. После сигнала городские станции сотовой связи прекратят работу на десять минут, кроме того, будут глушиться радиосвязь, через помехи на большинстве каналов пробиться нелегко. Но кто знает, возможно, противника все же предупредят. У врага не должно остаться времени на подготовку.

В последний раз оттолкнувшись от стены, Лина мягко притормозила, замерла над нужным окном. Как ни дорого время, но приходится медлить. Штурм должен начаться одновременно – восемь воспитанниц дружно ворвутся в окна, четверо проникнут на этаж через лестницу. Пока координаторы на земле не убедятся, что все вышли на исходные позиции, сигнала не будет.

К счастью, долго ждать не пришлось. Не прошло и десяти секунд, как вновь зашипел наушник:

– Бубкин! Ты еще тупее, чем я думал! Еще минута этого цирка, и я тебя в гробу высушу!

Отблески света, искажающую картинку, исчезли – во всем здании погас свет. Желудок было содрогнулся в рвотном спазме, но тут же успокоился – тело воспитанницы почти не отреагировало на атаку боевых сенсоров. Колени уперлись в грудь, мощнейшим рывком оттолкнувшись от стены, Лина выбрала строго отмеренную слабинку троса и, уже приближаясь к потемневшей громадине окна, невольно усмехнулась. Чей-то черный юмор сигналом к началу уничтожения террористов выбрал слово «гроб». В руке дернулся пистолет-пулемет, выплюнув короткую очередь. Без этого девушка не смогла бы разбить стекло. Даже пули его не высадили, просто пробили в нескольких местах, разукрасив отверстия ореолом радиально-концентрических трещин.

Все же без проблем преодолеть стеклянную преграду не удалось. Тело, защищенное одеждой, амуницией и шлемом, не пострадало, но вот ноктовизор при ударе задрало кверху. Мгновенно ослепнув, Лина покатила по полу, больно приложилась о какой-то твердый предмет, поспешно вернула прибор на место. В этот миг рядом торопливо залязгал затвор, пули хлестко застучали по стенам, некоторые сочно впивались в живую плоть. Кто-то надрывно вскрикнул, завизжало сразу несколько женщин. Пистолет-пулемет не унимался – Мия славила страстью к длинным очередям.

Вновь обретя ночное зрение, Лина приподнялась, внимательно осмотрела помещение. Обычный офис, если не обращать внимания на множество людей, сидящих у стен. Двое мужчин корчились на полу возле большого ксерокса, установленного на невысоком столике, – Мия даром время не теряла. Лине никогда еще не приходилось убивать людей, но теорию этого дела она знала прекрасно и поняла – все кончено. Кивнув напарнице, девушка скользнула к двери, чуть приоткрыла, бросила в щель светошумовую гранату, отшатнулась назад, широко раскрывая рот. Несмотря на все меры предосторожности, акустический удар вышел жестоким, в ушах зазвенело.

Мия выскочила вперед, присела воле двери, изготовилась к стрельбе. Лина тут же ударила ногой чуть ниже ручки. В открывшемся взгляду коридоре возле стены корчился человек. Девушка отчетливо разглядела помповый дробовик, валявшийся рядом с ним. Вновь залязгал затвор – китаянка вбила в противника очередную щедрую очередь, сменила магазин, сделала короткую перебежку, замерла возле перекрестка коридоров.

Лина, прекратив прикрывать напарницу, направилась следом, держась возле самой стены. Проходя мимо тела террориста, отметила, что на нем надежный бронежилет. От пистолета-пулемета защита неплохая, если бы Мия не попала в голову, то он вполне мог бы выжить и даже обстрелять воспитанниц. Следовало учесть это на будущее – кто знает, может, все враги экипированы схожим образом.

Проверив по пути пару дверей, напарницы убедились, что эти помещения пустые, без террористов и заложников. Таким образом, к лифтам они вышли без задержек и только здесь вновь столкнулись с противником. Шатающаяся высокая фигура показалась в проходе, ведущем на лестницу; левой рукой человек придерживался за стену, в правой сжимал пистолет. Так как он показался со стороны Мии, огонь открыла китайка. Пули с грохотом ударили по стенам, сбили неприятеля с ног. И только когда он уже падал, Лина успела бросить взгляд на его лицо и содрогнулась, увидев, что у террориста нет глаз. Девушка еще не сталкивалась с боевыми экстрасенсами и тут же пожелала не сталкиваться с ними и впредь. Что бы они здесь ни применили, выглядело это жутковато. Вместо полноценного сражения воспитанницы устроили бойню, сопротивления не было. За все время не прозвучало ни одного «нормального» выстрела, работало только бесшумное оружие атакующих.

Террористы будто прочитали мысли Лины – со стороны лестницы протрещала оглушительная очередь. Напарницы бросились на пол, пропуская свинцовый шквал над собой. Мия еще в падении огрызнулась парой выстрелов, но тут же дернулась, прекратила стрельбу – в нее попала пуля, срикошетившая о потолок.

Лина сорвала с жилета осколочную гранату, швырнула на лестничную площадку. Взрыв угомонил автоматчика, осколки прогрохотали по стенам и лифтовым дверям. Бросив следом светозумовую, девушка рванулась в атаку, но перед самым спуском остановилась – сражаться здесь было не с кем. Лестничный марш был завален офисными столами, возле баррикады лежали два террориста, иссеченные осколками. Оба все еще подавали признаки жизни. Приказа на полное уничтожение противника не было, Лина не успела подумать, что делать с пленными, как подошедшая Мия хладнокровно добила их двумя выстрелами.

Поморщившись от столь жестокого хладнокровия напарницы, Лина встревоженно поинтересовалась:

– Ты как?

– Все в порядке. Пуля прошла вскользь по броннику, – чуть помедлив, Мия добавила: – Синяк будет.

Ожил крошечный наушник:

– Практикантка, ты на месте?

– Да, – подтвердила Лина. – Все чисто.

– Не стреляйте, мы подходим!

– Поняла! Подходите.

Дождавшись вторую пару воспитанниц, Лина повела маленький отряд вниз. Пробравшись через завалы мебели и сняв по пути две растяжки, девушки добрались до четырнадцатого этажа. Встав перед лифтами, Лина доложила по радиосвязи:

– Я Практикантка! Боевая задача выполнена, потерь нет, уничтожено шесть террористов.

– Я Клещ, все понял. В каком состоянии лестница?

– Завалы мебели, заминированные гранатами. Пробраться можно, но только не спеша.

– Ясно. Ждите.

Марков, с трудом сдерживая желание расхохотаться в голос, наблюдал, как вереница заложников струится по коридору между шеренгами солдат. В обратную сторону сплошным потоком двигались медики, саперы и бойцы различных подразделений. Полковник поморщился, увидев первые носилки, – без жертв среди заложников не обошлось. Но слова Клеща о том, что пострадало немногим больше десятка человек, он запомнил очень хорошо. При

подобной операции такой уровень потерь был на уровне минимально допустимых, так что беспокоиться не стоило. Пожалуй, и впрямь следует подумать о дырке для ордена. Если, разумеется, руководитель странной спецгруппы не соврал и действительно не станет все лавры вешать на себя. Как ни крути, но это справедливо.

Поток заложников схлынул, показались бойцы спецгруппы. Марков нахмурился – здесь что-то явно не так. Нет, в принципе все естественно: темные фигуры, обвешанные оружием и боеприпасами, матовые глухие шлемы с задранными кверху приборами ночного видения. Но полковник впервые столкнулся с тем, что бойцы такой квалификации как на подбор невысокого роста и, мягко говоря, не отличаются шириной плеч. Лишь парочка вполне стандартного облика, но зато один вообще не вписывается ни в какие рамки – рост на уровне недоразвитого подростка, остальные габариты и того скромнее.

Впрочем, будь даже все они цирковыми лилипутами – безразлично. Ребята сработали просто блестяще, а о странностях лучше не думать – чревато. Вдохновленный подобными мыслями, Марков подошел к самому малорослому бойцу и панибратски хлопнул его по плечу:

– Молодцы! Ловко вы работаете! Настоящие орлы! Хвалю!

Боец невозмутимо поднял руку, щелкнул застежкой, медленно стянул шлем, явив миру девичье лицо очень восточного типа. Бросив на полковника сверлящий взгляд, китайночка уточнила:

– Мы не орлы, мы орлицы.

Опешивший Марков только тут осознал главную странность этой удивительной спецгруппы – вся она состояла из девушек. Дальнейшие слова застряли в горле – полковник нелепо отвесил челюсть. Подошедший Клещ, не обращая на него внимания, вопросительно произнес:

– Практикантка?

Хрупкая воительница сняла шлем. Эта девушка оказалась темноволосой и, в отличие от китайки, очень даже красивой. Боевое снаряжение, мягко говоря, ей не шло, придавая весьма нелепый вид.

Клещ задумчиво кивнул:

– Так вот ты какая... Не узнаешь?

– Никак нет! – четко отрапортовала Лина, догадавшись по голосу, что перед ней руководитель операции.

– А зря. Мы все же виделись. Встреча была короткой, но бурной. После нее я месяц провалялся на больничной койке.

– Виновата! – тут же выкрикнула Лина. – На тот момент не отдавала отчета своим действиям!

– Да я не в обиде, – усмехнулся Клещ. – Сам виноват, нечего приближаться к взбесившейся монашке. Вот, возьми. Это твое.

Девушка удивленно вскинулась, увидев в руке руководителя короткий нож с наборной кожаной рукояткой. Преодолевая ее нерешительность, Клещ уточнил:

– Твой это, твой. Я знал, что рано или поздно свидимся, вот и таскал с собой повсюду.

Лина приняла нож, деловито вытащила медпакет, обвязала клинок бинтом, спрятала оружие в карман разгрузочного жилета. Молча пронаблюдав за ее действиями, Клещ заявил:

– Хороший нож. В своем роде даже уникальный, сама понимаешь. Как все прошло?

– Без осложнений. Несколько ушибов от пуль и осколков, других ранений нет. Seriously пострадало одиннадцать заложников, четверо убито.

– Отчего они умерли? – заинтересовался Клещ.

– Точно не знаю. Один был убит еще до нас, двое погибли при штурме. Четвертый просто умер, наверное, сердце не выдержало. От пуль пострадали многие, там перегородки очень тонкие, их прошивало навывлет, а от несущих стен часто рикошетило. При таких толпах невозможно было никого не задеть.

– Да я вас и не обвиняю, – отмахнулся Клещ. – Молодцы, нечего сказать. Сенсы вам не досаждали?

Лина не сдержала улыбки и с ноткой гордости заявила:

– Нам не так просто досадить.

– Ясное дело, – кивнул Клещ. – Сейчас свернем пожитки и двинемся к аэропорту. Там вас заберет монастырский борт.

Заметив на лице девушки следы скрываемого вопроса, Клещ уточнил:

– Ты что-то хочешь сказать?

Лина какой-то миг колебалась, уж очень хотелось узнать, для чего проводилась столь странная операция, но субординация все же взяла свое:

– Здесь где-нибудь попить можно? После ментальной атаки первая реакция – жажда.

– Да... Конечно, – засуетился Клещ. – Сейчас пошлю техника в ближайший магазин. Может, что покрепче минералки?

Лина какой-то миг недоуменно моргала, прежде чем до конца уяснила – руководитель операции прямым текстом предлагает воспитанницам спиртные напитки. С подобным она еще не сталкивалась... Впрочем, боевого опыта у нее не было, кто знает, может в Ордене так принято. Раз так, то не стоит позориться перед знаменитым рыцарем. Кивнув, девушка с невозмутимым видом произнесла:

– Да, было бы неплохо. Чего-нибудь покрепче.

– Отлично, – жизнерадостно произнес Клещ и, резво обернувшись, схватил за рукав техника, несущего сложенную треногу. – Стоять! На вот, держи деньги и дуй к ближайшему магазину.

– Меня через оцепление не пропустят.

– Пропустят, – заверил его Клещ. – Я это дело проконтролирую.

– Что взять?

– Бутылки две минералки и ящик водки.

Понятливый техник кивнул и уточнил:

– А стаканчики брать?

– Не надо, тебе и так тяжело тащить будет. Ты это... Лучше вина бутылку возьми... Что ли... Девушки все-таки.

– Но как же без стаканчиков... Девушки... – не сдавался техник.

– Молча. Таким девушкам иначе, чем из горла, пить несолидно.

Но выпить девушкам не удалось.

Как ни странно, первой неладное почувствовала Лина.

Воспитанницы столпились кучкой возле автобуса, не мешая техникам убирать оборудование. Поснимав шлемы, они с интересом наблюдали за деловитой суетой сотрудников Ордена, бойцов спецслужб и медиков. Некоторые из девушек с детства не бывали в Большом Мире, столь великое множество новых лиц было для них в диковинку. Марков догадался выделить пару десятков своих спецназовцев, те ненавязчиво выстроились плотной шеренгой, закрывая воительниц своими мощными телами от любопытных глаз. Хотя журналистов к месту событий не подпускали, слухов о странностях сегодняшних событий все же не избежать, так что не стоит давать лишнюю пищу для размышлений.

Первый укол буравящей боли сжал виски, заставив Лину поморщиться. Она халатно не обратила на него внимания, сочтя последствием перепадов давления при полете и прыжке – с ней подобное уже бывало. Но некоторые вещи воспитанницам вбивали до генетического уровня – девушка ощутила смутную тревогу. Техники закончили погрузку, следом за ними в автобус потянулись боевые сенсы. Мила замерла на верхней ступеньке, медленно развернулась, настороженно уставившись куда-то вдаль. Дряхлый старик внезапно дернулся, сердито сверкнул глазами, попытался что-то произнести, но из горла вырвался лишь клекот умирающего

петуха. В следующий миг по двору пронесся дружный вскрик – десятки сотрудников Ордена отреагировали на близкий пробой.

Растерянные спецназовцы ступевались, не зная, что предпринять: техники дружно корчились на земле, старик буквально выль прорезавшимся голосом, остальные боевые сенсы лихорадочно крутились во все стороны, будто пытаясь увидеть что-то незримое. Медики спешили к сотруднику, корчащемуся в луже водки и россыпи бутылочного стекла – он так и не успел донести свою ношу.

Реакция воспитанниц была вполне предсказуемой: шелкая предохранителями, они стремительно рассредоточились по двору, заняв круговую оборону. Клещ подскочил к команде сенсов:

– Где?!!

– Близко, – кусая губы, тихо произнесла Мила, не переставая сканировать направление пробоя.

– Я и сам знаю, что не в Антарктиде! – рявкнул Клещ. – Точнее?!

Старик внезапно оборвал свой однотонный вой и неожиданно четким, уверенным голосом доложил:

– Азимут сто семьдесят. Триста сорок метров. Гостиничное здание. Шестой этаж. Семнадцатый номер.

– Благодарю, – кивнул Клещ и взревел: – Монашки, все ко мне! Бегом!!!

Воспитанницы послушно покинули свои позиции, стекаясь к руководителю. Не дожидаясь подхода задержавшихся, он коротко обрисовал обстановку и сформулировал боевую задачу:

– Гости влезли прямо в гостиницу. Шестой этаж, семнадцатый номер. Сведения могут быть неточными. Пока твари не очнулись после пробоя, надо их порвать. За мной!

Наперерез Клещу метнулся Марков:

– Что случилось?

– Гостей встречаем, – отмахнулся рыцарь. – Без нас тут разбирайтесь.

– Помощь нужна? – крикнул вслед недоумевающий полковник.

Клещ проигнорировал его вопрос, возглавляя цепочку воспитанниц, он рвался к цели, расшвыривая с пути замешкавшихся спецназовцев и милиционеров. Его лицо светилось детской радостью – он спешил выполнить главную работу Ордена. Глаза одиннадцати воспитанниц азартно поблескивали в предвкушении настоящей схватки. Поймать гостя или гостей, в момент пробоя – невысказанная удача, ведь даже низшие создания после этого несколько минут восстанавливают силы, а на то, чтобы просто прийти в себя, некоторым высшим требуется более трех дней.

В глазах двенадцатой девушки азарта не было – Лина отчетливо сознавала всю ненормальность последних событий. Мало того что воспитанниц бросили на гражданскую операцию, так тут еще и пробой. Совпадение невысказанное – это попросту невозможно. Да и пробой странный – приступ головной боли прекратился, хотя по идее должен терзать виски не менее десяти минут. Слишком уж слабое проникновение, так не бывает. А вдруг там кучка низших? Эти твари способны прийти в себя за пару минут, а у девушек даже спецбоеприпасов нет. Без потерь в этом случае не обойтись.

Видимо, схожие мысли посетили рыцаря, не сбавляя скорости, он прокричал:

– Если на них усиленная броня, бить по коленным сочленениям. Потом добивать, не жалея патронов, в глаза и стыки пластин. Гранаты применять осторожно, там полно гражданских.

В гостинице никто не догадывался о крайне неприятном событии, происшедшем в ее стенах. Светловолосая миловидная женщина сидела за стойкой, развернувшись в сторону теле-

визора. Там как раз шел прямой репортаж с места событий – в кадре мелькали хорошо знакомые места, ведь до захваченного здания всего пять минут ходьбы. Недавно сюда даже заходили несколько спецназовцев, они обследовали крышу, намереваясь разместить своих наблюдателей. Но здешний обзор не понравился, и они выбрали соседний дом. А жаль – так и не удалось приобщиться к такому событию, было бы что рассказать подругам.

Повернувшись в сторону открывающихся дверей, женщина поняла – еще не все потеряно. Спецназ возвращался, причем весьма поспешно. Приветливо улыбнувшись подбежавшему здоровяку, она поинтересовалась:

– Вам лестницу на крышу открыть?

Не задерживаясь, гигант проскочил мимо, бросив через плечо:

– На хрен нам твоя лестница? Вали отсюда, покуда ноги шевелятся.

Отряд на удивление малорослых спецназовцев промчался мимо стойки, кое-кто на ходу зловеще щелкал оружием. Женщина, проникнувшись духом момента, выключила телевизор и поспешно направилась к дверям, на ходу осознав, что все же приобщилась к историческому событию.

Клещ, не сбавляя темпа, ринулся на лестницу, проигнорировав лифт. Между вторым и третьим этажом Лина вспомнила, что является командиром группы воспитанниц. Так как руководство операцией осуществлялось с земли, до сего момента ей об этом задумываться не приходилось. Догнав Клеща, она решительно дернула его за плечо.

– Чего тебе? – выдохнул здоровяк.

– Надо сбавить темп. Мы слишком быстро бежали. Дыхание сбилось, это ухудшит меткость стрельбы.

Клещ кивнул, соглашаясь с разумностью доводов девушки, резко сбавил темп. Но она не остановилась на достигнутом:

– Идите назад, вы без бронежилета и серьезного оружия.

– Очень он здесь поможет, бронежилет, – буркнул Клещ. – А вооружен я получше тебя, мой пистолет заряжен спецпатронами. Так что помолчи.

Спорить с руководством нельзя, и Лина смирилась с тем, что впереди идет боец без радиосвязи и защиты, если не считать легкую куртку.

Лестница была узкой, воспитанницы двигались цепочкой, держа оружие наготове. Головная боль стихла – значит, пробой закрыт. Если это действительно враги – они уже здесь. Неприхотливые низшие адаптируются быстро и можно ожидать нападения в любое мгновение. На площадке четвертого этажа курил толстый немолодой мужчина. Разинув рот, он выронил сигарету и от удивления даже не догадался освободить дорогу. Клещ небрежно отшвырнул его в сторону, впечатав в стену. Тот утробно хрюкнул, но возмущаться не стал. Лина отметила, что, судя по всему, гостиница продолжает жить своей обычной жизнью. Если на шестом этаже объявились гости, то ведут они себя на удивление тихо.

На площадке пятого этажа Лина вновь дернула Клеща за плечо:

– Надо сообщить руководству.

Но здоровяк только отмахнулся:

– Практикантка, ты просто помешана на уставах и правилах! Сами справимся, это тебе не тайга.

Лина вновь не рискнула спорить с руководством, хотя Клещ совершал серьезнейший проступок. На случай пробоя в городских условиях у Ордена была специальная инструкция, включающая целый комплекс мероприятий, вплоть до зачистки пораженного участка спутниковым ударом с дальнейшим сваливанием вины на каких-нибудь экстремистов. Но указывать рыцарю на элементарные вещи некрасиво, да и поздно – воспитанницы достигли шестого этажа. Сомнения в сторону – сейчас не время для пререканий с командованием.

Клещ скользнул взглядом по номерам на ближайших дверях, мгновенно сориентировался, направился влево. Со скрипом приоткрылась ближайшая дверь, показалась любопытствующая физиономия. Рыцарь пригрозил огромным пистолетом, дверь тут же захлопнулась. Лина коротко взмахнула левой рукой, но понятливые воспитанницы и без ее сигнала послушно припали к стенам коридора, выставив оружие в угрожающем направлении. До семнадцатого номера оставалось несколько шагов. Девушки знали – там их могут встретить враги.

Но они ошибались – за невзрачной дверью гостиничного номера их ждала безликая смерть.

Экстрасенсы и техники, покинутые руководством, скучать не стали. Пробой – дело серьезное, но тут все карты в руках у воспитанниц и рыцаря. Простым трудягам Ордена пришлось несладко, при такой близости к месту событий немудрено заработать инсульт, ведь до тренированных монашек им далеко. Стресс был немалым.

Человеческая природа – штука странная. В нескольких сотнях метров отсюда могут находиться самые страшные враги, каких только можно себе представить, однако уже через три минуты после начального импульса пробоя в автобусе раскрыли первую бутылку водки.

К счастью, техник, посланный в магазин, разбил далеко не все. Более того, при падении он даже не порезался, только вымок в содержимом бутылок. Стаканов не было, но сотрудников Ордена трудности не смущали. Кто-то отрезал дно пластиковой бутылки, другие свинтили колпачки с оптики прожекторов, а у водителя была персональная стальная рюмка, выточенная в ремцехе на токарном станке. Сам он пить не стал, но галантно предложил изысканный сосуд Миле.

Заслышав жизнерадостный плеск, старик открыл выцветшие глаза, в них мелькнул огонек жизни. Завидев это, Пацифист заявил:

– Надо и дедушке налить.

– А ему разве можно? – усомнился один из техников.

– Хуже ему уже не будет, – констатировал Чепэ. – Эй, Куст, ты водку будешь? Или тебя добить, чтоб не мучался?

Обратившись к широкой аудитории, он пояснил:

– Ему девяносто восемь лет. И все в строю, никак ветерана в покое не оставят.

Старик издал горловой, клекочущий звук, явно оживившись.

– Понял! – констатировал Пацифист. – Кустик хочет водочки.

В приоткрытую дверь автобуса заглянул один из офицеров неизвестно какой спецслужбы. Слишком много их крутилось по окрестностям, от пристального внимания не ускользал ни один укромный уголок.

– Дверь закрой! – рявкнул Пацифист. – Не видишь, у людей тут собрание... секретное.

Понимающе кивнув, офицер захлопнул дверь, при этом по салону автобуса покатился какой-то предмет. В темноте никто его не разглядел, а из-за шума невозможно было слышать шипение. Нервнопаралитический газ действовал мгновенно, в корпусе гранаты была заключена доза, достаточная для убийства сотни человек, – замкнутый мирок салона превратился в душегубку.

Техники и сенсы корчились на полу в предсмертных судорогах, в своем кресле нелепо дергался Куст. Угасающее сознание старика на миг вспыхнуло с прежней ясностью, и он нанес последний в своей жизни удар.

Удаляющийся офицер вздрогнул, неловко пошатнулся, но тут же выровнялся и продолжил идти как ни в чем не бывало. Неподалеку замертво упал спецназовец – тяжелейший инсульт убил его на месте, еще несколько человек отделались затяжной головной болью. Старик так и не узнал, что убийца, защищенный ментальным щитом, избежал возмездия.

Через минуту последний, самый выносливый техник, перестал подавать признаки жизни. Вымерший автобус стоял среди суеты потревоженного человеческого муравейника. На него не обращали внимания, к тому моменту на людей свалились новые проблемы, им не было дела до странной тишины в салоне.

Эпицентр событий в одно мгновение переместился в близстоящую гостиницу.

Лина замерла перед дверью, присела, чуть придавила спусковой крючок. Ей внезапно захотелось очутиться как можно дальше от этого места. Желание было странное – раньше она за собой особой трусости не замечала. Но слишком уж все неестественно, и удивительно, что Клещ этого не понимает, целиком поддавшись азарту боевой тревоги.

Тем временем здоровяк отошел к стене, чуть присел, бросился вперед живым тараном. В тот же миг Лина отчетливо ощутила свежий, нежный аромат, такой бывает после грозы. Поняв, что из-за двери просачивается озон, она вскрикнула, предупреждая руководителя. Но было поздно.

Рыцарь ударил плечом с такой силой, что дверь вынесло из рамы, он так и внес ее в номер на себе. Лина, заметив оранжевые отблески, окончательно убедилась в своем предположении и яростно закричала:

– Все назад! Это жига!

Заслышав страшное слово, воспитанницы не стали медлить – брызнули во все стороны, удаляясь от гибельного места. В любую секунду по стенам и полам, вообще по всем предметам материального мира пойдет смертельная дрожь. Живая плоть сможет уцелеть, только если тело зависнет в воздухе. Но человек не птица, он все равно опустится, или вынужден будет за что-то схватиться. Вибрация пленочной саморазворачивающейся контурной ловушки кварца, или в просторечии – «жижи», превратит на контакте кости в пыль, а мясо в мельчайший фарш.

Лина сама не поняла, как ее внесло в номер. В отличие от остальных воспитанниц она видела жигу – та переливалась оранжевыми всполохами, зависнув в открытой двери ванной комнаты. Ловушка была на грани срабатывания, она лопнет в любое мгновение, спасаться невозможно – волна уничтожит всех обитателей гостиницы. Это же понял и Клещ. Присев посреди номера, он с ужасом смотрел, как по оранжевой сфере разбегаются симметричные полосы намечающихся разрывов. Редкое зрелище – немногие могут похвастать тем, что видели его и при этом остались в живых. Даже скафандр не защищал от жиги полностью. Правда, иной раз хладнокровные бойцы спасались, успев выйти из обширной зоны действия страшного оружия на изуродованных обрубках ног. Но это была редкая удача.

Девушка, даже не задумываясь, рванулась вперед. На ходу сорвала с разгрузки осколочную гранату, выдернув кольцо, небрежно отбросила в сторону жиги. Гладкий цилиндр, пару раз подпрыгнув, ударился о порожек ванной комнаты, замер как раз под расползающейся сферой. Клещ приглушенно выругался, произнес что-то про триппер, ловко прокатился мимо Лины, схватился за вышибленную дверь, явно намереваясь использовать ее вместо щита. В отличие от него, воспитанница не стала себя вести столь наивно. Да, от осколков дверь, может, и защитит, но вот от сумасшедшей энергии взорванной жиги вряд ли. Остаться рядом с номером нельзя ни в коем случае.

Лина пулей промчалась через большую комнату, ловко перемахнула через подоконник, в ореоле сверкающих осколков вылетела в окно. На миг ощутила радость – все, она почти спасена. Но тут же осознала, что шестой этаж не первый, принялась группироваться, стараясь смягчить удар об асфальт. Кто знает, может, ей удастся выжить и не остаться инвалидом?

Но судьба сегодня была на ее стороне. Тело девушки ударилось о натянутый провод, идущий к рекламному щиту. Она не стала пренебрегать таким подарком, успела за него ухватиться. В этот момент рядом рвануло с такой силой, что она едва не разжала руки. Запал гра-

наты догорел до конца, жижа была вскрыта до окончания созревания... со всеми вытекающими последствиями.

Вокруг посыпались обломки мебели и строительных конструкций, что-то ударило по проводу, добив его окончательно. Он ослаб, хватаящаяся за него Лина полетела в сторону близкой стены гостиницы, успела стравить около метра, аккуратно вписалась в окно, благо после взрыва стекол в нем больше не было. Прокатившись по полу, она припала на колени, вскинула пистолет-пулемет, к счастью, он не потерялся после всех приключений, так и болтался на плече.

По ушам резанул истошный женский визг. Обитательница номера вскочила с кровати, забилась в угол, с ужасом уставившись на темную фигуру в глухом шлеме. Не обращая на нее внимания, Лина открыла дверь, выскочила в коридор. Гостиница была обесточена, девушка подняла руку, намереваясь опустить ноктовизор, но ладонь встретила пустоту. Прибор ночного видения не пережил череду злключений, она даже не заметила, где его лишилась. Кроме того, замолчала встроенная радиостанция.

Достав из кармашка фонарик-карандаш, Лина, подсвечивая левой рукой, направилась в сторону лестницы. В правой она сжимала пистолет-пулемет. В свете последних событий она сомневалась, что в гостинице могут встретиться враги. Они не настолько тупы, чтобы, запустив жижу, сидеть рядом с нею, дожидаясь момента созревания. Но, кто знает, лучше не терять бдительность.

Разрушений на пятом этаже не было, если не считать пластов обвалившейся штукатурки – взрыв был не настолько уж мощным. Но, разумеется, проснулись все постояльцы. Повсюду раскрывались двери, люди светили зажигалками, взволнованно переговаривались. Не обращая ни на кого внимания, девушка добралась до лестницы, поднялась на шестой этаж.

Здесь ей пришлось передвигаться осторожнее. Взрыв снес тонкие стены номера, разбросав их обломки по коридору, сюда же выбросило искореженную мебель. Переступая через груды этого хлама, Лина пробиралась к руинам семнадцатого номера. То и дело она поворачивалась, завидев движение, но всякий раз это оказывались постояльцы. Некоторые были ранены, многие кашляли от едкого дыма, где-то явно намечался пожар.

Первую воспитанницу Лина обнаружила на полпути к номеру. Та сидела, прислонившись спиной к стене коридора, и держала наготове пистолет-пулемет. При подходе командира она четко изрекла:

- Фонарик выключи, ты меня слепишь.
- Ленка, ты? Живая?
- Да. Только руку сломала, наверное... левую. Да выключи же фонарь!
- Прости, я не нарочно. Ноктовизор потеряла. Где остальные?
- Мия с Нинкой пошли к номеру, вроде там еще кто-то был.
- Вызови по связи, у меня рация поломалась. Всех зови сюда.

Оставив Ленку прикрывать коридор со стороны лестницы, Лина добралась до эпицентра взрыва, встретив здесь шестерых воспитанниц. Они дружно выкапывали из-под обломков Клеца. Того завалило надежно, на дверь, которой он прикрывался, лег немаленький кусок стены, а сверху набросало разной рухляди.

– Он живой? – встревоженно спросила Лина.

– Был, – ответила Мия. – Я его первая увидела, он просил передать, что все встречи с тобой заканчиваются для него печально. После этого отключился.

Завидев, как косятся на нее воспитанницы, Лина сообразила, что все руководство операцией перешло к ней. Как ни смешно это сознавать, она сейчас здесь главная, со всеми вытекающими последствиями. Впрочем, ответственность невеликая – ситуация простая, действия тоже будут несложными.

Забрав у одной из девушек шлем с действующей радиостанцией, Лина выяснила, что две воспитанницы не отзываются на вызов, их местоположение неизвестно. Отрядив за ними поисковую команду, она попыталась связаться с техниками. Но тщетно, ответа не дождалась. Когда израненного Клеща извлекли из завала, Лина воспользовалась его телефоном, позвонила монастырскому дежурному и объяснила ситуацию. После этого оставалось только ждать инструкций руководства.

Первый же приказ предписывал как можно быстрее вернуться к автобусу, выяснить, почему там не отвечают на вызов.

Глава 2

– ...после чего проследовали к автобусу. Там обнаружили, что сенсы и технические сотрудники мертвы, один из спецназовцев в тяжелом состоянии, он открыл дверь автобуса, заподозрив неладное, и получил дозу. Не имея костюмов химической защиты и противогазов, мы...

– Достаточно! Ветрова, столько детского лепета я обычно за целую неделю не слышу. И ты называешь это докладом?

Лина стояла на печально знаменитом ковре Мюллера и стойчески выдерживала разнос от настоятельницы. Впрочем, не имея зрителей, та не особо усердствовала, песоча любимую воспитанницу скорее из ритуальных соображений.

– Так точно! Это был устный отчет о...

– О чем же? О неудачной прогулке младшей группы пациенток лечебного учреждения для умственно неполноценных детей?

– Никак нет, – нехотя ответила Лина, прекрасно понимая, что сейчас услышит.

– Да что ты говоришь! Нет?! А вот факты говорят как раз обратное. Мне даже не хочется рассматривать их по порядку, вряд ли ты в состоянии понять, что такое порядок. Ты из тех людей, что умудряются упасть в грязную лужу посреди Сахары, или умереть от жажды посреди озера. Из всего твоего лепета я так и не поняла, почему вы не доложили о пробое немедленно?

– Но Клещ...

– Он хороший рыцарь, но есть большое «но»: он зарвался, и ты это прекрасно видела. Даже с точки зрения обычной логики, не считая инструкций, о таком необходимо сообщать немедленно. Или тебя так манило в эту набитую проститутками гостиницу, что ты позабыла обо всем на свете?

– Но я хотела...

– А почему не сделала?

– Клещ сказал...

– Детский лепет. Ты имела полное право под угрозой оружия заставить его связаться с Монастырем. У тебя для этого было одиннадцать подчиненных. Вывод прост: как командир ты показала свою полную несостоятельность.

– Я...

– Ладно, хватит! Итог прост: одна воспитанница погибла, трое тяжело ранены. Кроме того, уничтожена группа сенсов и техников, покалечено несколько гражданских и пострадала гостиница. И все это с огромной помпой, прямо-таки блокбастер – журналисты обеспечены работой на месяц вперед. Блестящая операция, ее стоит внести в учебники как яркий пример того, как не следует поступать. Ветрова, я в тебе почти разочарована, неужели ты ни на что не способна, кроме тупой беготни по тайге?

Настоятельница перестала ходить из угла в угол, обогнула стол, присела, кивнула воспитаннице. Лина привычно раскрыла огромный стенной шкаф, вытащила стул, устроилась напротив Мюллера. Та достала пачку сигарет, прикурила от массивной зажигалки, задумчиво произнесла:

– Табак яд, но как же приятен этот яд. Алина, запомни хорошенько: если увижу тебя с сигаретой, – убью.

– Хорошо, – кивнула Лина. – Как забеременею, так сразу и закурю. Терять мне будет уже нечего.

Усмехнувшись, настоятельница задумчиво произнесла:

– Ты ничего подозрительного на этой операции не видела?

– Видела.

– Что?!

– Там все было подозрительным, с самого начала. Нас бросили на гражданскую операцию, да еще и с ходу. Никакой подготовки, только чудом никто не пострадал при штурме здания. Нагнали целую группу сенсов, явно непрофессионалов и не сплоченных. Толку от них было мало, нормальная команда погасила бы террористов без нашего вмешательства. А уж потом и вовсе чудеса пошли. Сами понимаете, этот пробой произошел с одной целью – нашу группу хотели уничтожить. Если бы Клещ замешкался, связываясь с руководством, мы бы попали под удар. Кто-то открыл на миг окошко и забросил активированную жижу. Судя по калибру, она бы накрыла все в радиусе сотни метров. Да еще шестой этаж... Даже на обрубках ног не убежишь, мы бы все там остались.

При упоминании обрубков ног настоятельница поморщилась, отложила сигарету и поинтересовалась:

– Что говорят девочки?

– В смысле?

– Алина, не включай дуру. Я вовсе не прошу тебя стучать на подруг. Вообще, каково настроение после этой операции?

Пожав плечами, Лина спокойно произнесла:

– Никто не радуется. Маринку жалко, глупо погибла. И непонятности всех достали. Выпуск закончил практику, но никого по местам так и не отправили. Со мной это еще может быть объяснимо, но ведь другие закончили обучение и не нуждались в лечении и реабилитации. Что они здесь делают? И к чему нас бросили против гражданских? Это вообще дико, даже для обычного спецназа, а уж для нас... И как объяснить то, что группу едва не уничтожили? Если событиям в гостинице еще можно найти хоть какое-то объяснение, то по остальному... Полный бред, ведь выходит, что техников и сенсов убили люди. Наши враги не применяют гранаты с нервно-паралитическим газом, да и появление подобных созданий вблизи автобуса не прошло бы незамеченным. Подобные мысли крутятся в головах всех участниц операции.

– Да это мне понятно, я же спрашивала только про настроение.

– Главным образом огромное недоумение, – сделав паузу, Лина уточнила: – Сами понимаете.

Откинувшись на спинку стула, настоятельница задумчиво уставилась поверх головы воспитанницы. Лина замолчала, не мешая раздумьям женщины, даже дыхание затаила. Она явственно почувствовала, что сейчас услышит нечто, что в очередной раз пошатнет устои ее мировоззрения. Но, увы, в глазах настоятельница зажглось стандартно-холодное выражение, она явно передумала, причем в последний момент. Ее слова еще более уверили Лину в этом предположении:

– Как твое самочувствие?

С трудом скрывая разочарование, девушка четко ответила:

– Отлично!

– Запястья как? Разработались?

– С правым нормально, на левом мизинец и безымянный без конца затекают. Но это пройдет.

– Программа реабилитации подошла к концу, с этого момента я признаю тебя условно боеспособной, так что можешь принимать участие в работе Ордена.

– А этой ночью, значит, еще не могла принимать? – с затаенным ехидством поинтересовалась Лина.

Взглянув на девушку ласковым взглядом сытой анаконды, Мюллер покачала головой:

– Ветрова, ты меня опять удивляешь. В нашем Монастыре без моральных терзаний паралитика сбросят с парашютом или даже без него, у нас для этого вовсе не обязательно считаться здоровым. Или ты вконец отупела?

– Хорошо, – согласилась Лина, – Раз здорова, то могу приступить к выполнению своих обязанностей. Давайте направление в любой филиал.

– Ишь ты, – усмехнулась настоятельница, – Направление ей подавай. Не угадала. Помнишь, когда ты очнулась после практики, я обещала тебе отпуск?

– Ну? – насторожилась Лина.

– Обещание надо выполнять. Завтра же отправишься на курорт. Сентябрь, южные моря с горячей водой. Фрукты, солнце, пляжи, парни... Все болячки мигом улетучатся, забудешь, на какой руке пальцы затекают. Гарантирую.

– Я готова приступить к работе без отпуска, – решительно заявила девушка.

– А кто тебя спрашивает? – снисходительно констатировала настоятельница. – Считаю это приказом.

– Я имею право подать жалобу руководству, – не сдавалась Лина. – Обучение закончилось, я вообще не пойму, на каком основании меня и других выпускниц держат в Монастыре.

– Хоть триста десять жалоб подавай, а завтра все равно пойдешь в отпуск. Поняла?

– Что все это значит?

Мюллер покачала головой, закатила глаза вверх, всем своим видом показывая, что из последних сил терпит несусветную тупость своей воспитанницы:

– Ветрова! Ты хотя бы примерно, на уровне спинного мозга представляешь, что означает слово «приказ»?

– Так точно!

– В таком случае, к чему все эти тупые вопросы? Или ты сомневаешься в моих полномочиях отдавать тебе приказы?

– Никак нет! – четко отрапортовала Лина и почти просительно добавила: – Но что все это значит? Что вообще происходит?

Настоятельница помедлила, затем ровным, спокойным голосом, как бы взвешивая каждое слово, произнесла:

– Алина, в последнее время произошло много неприятных вещей. Ну да ладно. Я считаю, что твое место сейчас на южных морях. Врачи со мной согласны, тебе сейчас лучше поваляться на теплом песке, восстановить здоровье. Если все будет хорошо, через пару недель станет спокойнее, а там и ты вернешься, приступишь к нормальной работе. Так что, хочешь ты того или нет, в отпуск отправишься. Ясно?

– Не все, – честно призналась Лина.

– Ничего, – усмехнулась настоятельница, – все знать тебе не обязательно. Один из наших вертолетов нуждается в небольшой модификации. Завтра ты перегонишь его на завод, за четыреста километров. Оттуда транспортным бортом доберешься до Магдебурга, далее пересадка на гражданский рейс до Каира. Все необходимое получишь в канцелярии. Все поняла?

– А к чему такой сложный маршрут? – не удержалась Лина.

Мюллер вздохнула:

– Ветрова, я что, еще и отчитываться перед тобой должна? Радуйся, у тебя не слишком впечатляющие навыки пилота вертолета, это тебе вместо тренировки. Все, разговор окончен, ты и так отняла у меня много времени. Брысь отсюда!

Вскочив, девушка поспешно проследовала к дверям, зная, что после подобных фраз продолжать разговор невозможно. Уже закрывая дверь, не удержалась, обернулась, успев заметить в глазах настоятельница тревожный огонек. Это только добавило вопросов, на которые не было ответов.

Кабель был проложен двадцать лет назад, но до сих пор находился в отличном состоянии. Немудрено, поработали тогда на совесть. Трассу спроектировали с умом, избегая сырых участков местности, но в то же время глубина была приличной, хотя и выше уровня грунто-

вых вод. Толстый слой гравийной подсыпки пропускал стоки, вызываемые осадками, по нему они поступали в дренажные колодцы, поверх фильтрующей подушки шла узкая кирпичная галерея, а уже в ней, окруженные многочисленными оплетками, скрывались изолированные медные нити.

Со времен прокладки прогресс шагнул далеко вперед – специалисты Ордена не смогли предусмотреть появление компьютерных сетей с большим трафиком. Однако медные жилы не подкачали: они с одинаковым успехом пропускали как телефонные переговоры, так и пакеты информации по Интернет-протоколам. В Монастыре планировали провести новую, оптоволоконную линию, старый кабель обладал низкой пропускной способностью; но пока до этого не доходили руки.

Линия была короткой, всего-навсего двадцать два километра, ее конечным пунктом являлся центр спутниковой связи. Именно там, на центральном узле, осуществлялось основное шифрование информации, передаваемой со всей территории монастырского комплекса по кабелям и диапазонам внутренней радиотелефонной связи. Для взлома мудреных паролей потребовалось бы не одно столетие работы опытных специалистов и мощных компьютерных систем. Полторы сотни технических колодцев были надежно запечатаны и защищены хитроумной сигнализацией. Дважды в день сохранность пломб и замков проверяли патрули, раз в неделю проводилась комплексная проверка – по каждому факту срабатывания защиты проводилось расследование. Монастырь надежно хранил свои секреты.

Но идеальной защиты не существует. Маленький механический зверек протащил свое веретенообразное тельце через двести шестьдесят семь метров песка и глины, отделявших подвал невзрачного дачного домика от линии связи. Химическая дрель пробуравила кирпичную кладку за какой-то час. Далее оператор хитроумного бура, действуя буквально по миллиметру, снял с кабеля верхнюю оплетку, являвшуюся последним рубежом защиты. Правильные меры предосторожности позволили избежать срабатывания сигнализации. Далее с той же осмотрительностью удалили слои свинца и стальной ленты. Подсоединиться к проводам физически не пришлось – достаточно было того, что сняты экранирующие оболочки. Считывание сигналов происходило бесконтактно, и следящие системы Монастыря не зафиксировали подозрительного падения напряжения.

В подвал дачного домика по тонкому кабелю пошла информация.

– Алинка, ты сама-то понимаешь, что говоришь? Радуйся! Ты ведь даже море никогда не видела! Нет, я тебя иногда просто не понимаю!

В знак своего гигантского возмущения Ленка подпрыгнула на больничной койке и, насупившись, скрестила руки на груди, скребя пальцами по гипсу. Алина усмехнулась:

– Почему бы тебе тогда не съездить в отпуск со мной? Ты ведь тоже раненая.

– Мне это пока не светит, – вздохнула подружка, – разве что после снятия гипса. Какой отпуск с подобным украшением?

Девушка постучала по повязке, закрывающей правую руку от запястья до локтя.

– Думаешь, мне лучше? – нахмурилась Лина. – И как, по-твоему, я буду себя чувствовать на пляже? У меня вся спина в шрамах.

– Скажешь еще! Вся спина! Семь маленьких шрамовиков, через несколько месяцев тебе их отшлифуют сенсы, и от них следа не останется.

– Но сейчас они видны очень даже хорошо, – Лина упрямо гнула свою линию. – Стоит немного загореть, и шрамы станут еще более заметными, сама знаешь.

– Дура, – констатировала Лена. – Кто их будет разглядывать? При такой внешности на подобные мелочи не обращают внимания. И вообще, можешь ночью загорать, раз уж такая стеснительная.

Лина, не сдержавшись, усмехнулась, но тут же нахмурилась. Ленка, поняв ее мысли превратно, моментально принялась ее утешать:

– Прекрати! Ты ни в чем не виновата. Не вздумай винить себя в гибели Маринки. Если бы не ты, погибла бы вся группа, ей просто не повезло.

– Не в том дело, – отмахнулась Лина. – Слишком много странностей, и чем дальше, тем их больше. Очень настораживает то, что Мюллер отправляет меня в такой момент. Ты ведь знаешь, как она ко мне относится.

– Все знают, – улыбнулась Лена. – Даже завидно, к тебе одной она относится как к человеку. Думаешь, настоятельница чего-то опасается?

– Похоже. Даже маршрут выбран странный, мне придется начать с перегона вертолета. Разве это работа для воспитанницы?

– Не преувеличивай. Как пилот ты не очень, вот она и не упускает возможности поднять твои навыки.

– Ленка! О чем ты говоришь?! Разве ты не видишь, что вокруг одни странности? Что вообще происходит?!

В палату зашла вторая пациентка. Из-за переломанной челюсти она не могла поддерживать разговор, впрочем, после мучительных врачебных процедур у нее не было желания даже слушать, о чем говорят подруги. Не смотря в их сторону, девушка проследовала мимо, плюхнулась на койку, уставившись в потолок. Лена, покосившись на нее с опаской, шепотом произнесла:

– Назревает что-то крупное.

– Что? – тем же шепотом поинтересовалась Лина.

– Точно никто не знает, ты же сама должна была слышать разное.

– Ленка, да эти слухи ходят по Монастырю годами!

– Так и есть, – согласилась девушка. – Но сегодня в соседнюю палату привезли девушку из боевой группы. Аппендицит.

– Откуда она здесь взялась? У нас тут не госпиталь для воительниц.

– Ты слышала, что в северном секторе Главного полигона занятия сейчас не проводятся?

– Ну?

– Так вот, ее привезли оттуда.

– Как она там очутилась?

– Не знаю. Помнишь, неделю назад прошел слух, что ночью транспортники садятся на полосу для истребителей ПВО и забирают контейнеры с тварями из Клетки, увозя их в новый тренировочный центр на Алтайской базе?

– И что?

– И то! Самолеты действительно садились ночами, об этом проболтались техники. Но что, если они ничего не увозили, а наоборот, высаживали боевые группы? Ведь как раз оттуда есть прямая дорога в северный сектор, нас не раз по ней возили. Кто знает, может, там сейчас сосредоточены огромные отряды из боевых групп и спецназа.

– Бред! – констатировала Лина. – Тебе надо поспать подольше, это наверняка последствия обезболивающих медикаментов. Кто в здравом уме будет готовить серьезную операцию в Центральной России? Тут полная тишина, попросту нет такого противника, против которого необходимо собирать крупные силы. Даже два десятка спецназовцев, по местным меркам, огромный отряд. Местность по степени опасности относится к первой и второй группам, тут попросту не с кем воевать.

– Это у тебя бред, – фыркнула Лена. – Ты мозги на больничной койке отлежала. Вспомни, что было вчера вечером, когда нас грузили в десантный борт? Сколько я себя помню, на аэродроме всегда было пусто. Согласна?

Лина утвердительно кивнула и добавила:

– Я не слепая и видела, что там много техники.

– Много! Мягко сказано! Одних десантных бортов шесть штук. Что они там делают? В них можно загрузить всех воспитанниц и сотрудников Монастыря.

– Мало ли что. Может, перегруппировка какая-нибудь. Перед нами никто не обязан отчитываться.

– Ну, конечно! Перегруппировка! – Лена заметно повысила голос. – Алинка, не строй из себя дуру. Десантные самолеты хорошо предназначены только для одного – сбрасывать десант или перевозить живую силу и технику. Неужели ты сама этого не знаешь?

– Тише ты, – успокаивающе произнесла Лина. – Тебе вредно волноваться. Я уже жалею, что сюда заглянула. Ты ночь не спала, вся на нервах, так что давай, успокаивайся. Я пойду.

– Куда ты пойдешь? – возмутилась Лена. – Если я сейчас усну, то не проснусь до утра. Так тебя и не увижу.

– Ничего, две-три недели, и я вернусь.

– Хорошенькое дело! Две-три недели! Да без моих инструкций ты пропадешь! – Лена томно закатила глаза, завалилась спиной на стену. – Даже не вздумай уйти, не выслушав советы опытнойшей женщины выпуска. В отличие от некоторых, я практику провела не в тайге, гоняясь за высшими, так что, пока не поделюсь с тобой опытом, никуда не отпущу.

– Ленка! Я твой микроскопический «опыт» уже знаю до мельчайших деталей! Сколько можно!

Снисходительно улыбнувшись, подруга назидательно произнесла:

– В сравнении с тобой я просто роковая женщина. Так что не спорь. И вообще, отпуск это святое. Для начала скажу вот что: там, на Красном море, очень много арабов. Среди них встречаются симпатичные пареньки. Так вот...

Вторая ступень ракеты-носителя осталась позади – взлет приближался к финальной стадии. Отлетел в сторону остроконечный аэродинамический обтекатель, в нем больше не было нужды – аппарат вышел за пределы плотной земной атмосферы, способной уничтожить смертоносную начинку. Маршевый двигатель израсходовал остатки горючего, и спутник начал свое бесконечное падение, именуемое орбитальным полетом.

В центре управления тщательно изучили траекторию, рассчитали незначительную коррекцию, призванную снизить эллиптичность орбиты боевого аппарата. Для этого хватало мощи маневровых двигателей. Даже так он долго не протянет – на столь низких высотах неконтролируемый сход начнется через несколько месяцев. Но тех, кто запустил спутник, подобный срок его эксплуатации вполне устраивал. На более высокой орбите использование специзлучателя было затруднено, он и так в апогее уходил слишком далеко от поверхности планеты, фокусировка на таком расстоянии затруднена.

Впрочем, расчет специалистов был точен. На низких участках орбиты спутник будет проходить над центральной частью России, контролируя территорию от Кольского полуострова до Крыма. Теоретически спрятаться от его смертоносного удара возможно. Но практически трудно представить шахту глубиной в шесть километров минимум, и это при условии, что она проведена в магматических горных породах ультраосновного состава. Подобных шахт в зоне действия оружия спутника не было.

Их вообще нигде не было.

Настоятельница стояла возле ограждения галереи, но не прислонялась к нему. Ее не пугала пятнадцатиметровая высота, от которой отделяли только тонкие перила, просто она вообще не любила опираться на что бы то ни было. С этой точки открывался отличный вид на Клетку.

Это был один из самых странных уголков Монастыря. На Земле существовало всего лишь три подобных объекта, причем один из них был настолько крошечным, что его не стоит учитывать. Некоторую аналогию можно провести с зоопарками, но никто даже в шутку не называл эти подземелья зверинцами – зверей здесь не было. В монастырской Клетке содержалось почти два десятка низших: семь мангусов, пять ракшасов, три шедима, один ламаин и жемчужина коллекции – рухим.

В условиях Земли они нуждались в постоянной подпитке жизненной энергией. Мясо, плавающее в тарелках воспитанниц, поступало в Монастырь «живьем». Телят, баранов и кур на специальном лифте опускали на третий уровень подземного комплекса, где их быстро умерщвляли вечно голодные демоны. Тварей держали на минимальном пайке, так что смерть животных и птиц была почти безболезненной. Низшие зря свой «хлеб» не ели – их использовали для тренировки младших воспитанниц. Противодействуя ментальным ударам, они совершенствовали свои невидимые щиты, постепенно вырабатывая полный иммунитет к дистанционным атакам. Надо признать, что это была самая трудная часть подготовки – к ней допускали только тех девушек, которые прошли все стадии психологической обработки. Это избавляло их от многих врожденных барьеров и воздвигало новые, позволяющие на бессознательном уровне держать в постоянной готовности свои парапсихологические способности.

В истории Ордена бывали эпизоды, когда из многосотенных отрядов бойцов после окончания ожесточенной схватки оставалось всего несколько человек. Во всех случаях это были воспитанники и воспитанницы Монастырей – только у них был шанс противостоять многочисленным мощнейшим ментальным ударам орд врагов. Щиты не могли оберегать носителя до бесконечности, но лучшей защиты пока придумано не было.

Девять воспитанниц выстроились перед галереей, идущей меж металлических стен с вертикальными смотровыми щелями. За отполированными стальными листами скрывались низшие. Над тварями проводили хирургические операции, после чего они не могли ощущать присутствие биологических объектов. Им приходилось надеяться только на свои зрение и слух – эти органы чувств им обычно сохраняли, – иначе монстрам трудно будет заметить близость добычи.

Перед девушками стояла самая удивительная сотрудница Монастыря – Лилит. При ее виде мужчины теряли дар речи, правда, случалось это невероятно редко, ибо Лилит нечасто покидала свое подземелье. Ее бледная, почти меловая кожа не знала загара, длинные светлые волосы, уложенные в строгом порядке, спускались до осиной талии, фигура была идеальной – некоторая хрупкость шла только на пользу. Лицо светилось странной, очень оригинальной красотой, с непривычно острыми чертами, что нисколько ее не портило – скорее наоборот. Помимо Матвея, это был единственный человек на территории Монастыря, которому воспитанницы не подобрали прозвище. Сомнительно, что Лилит было ее настоящее имя, впрочем, оно ей подходило как нельзя лучше.

Возраст ее оставался загадкой – разброс мнений от семнадцати до тридцати пяти лет. Отдельные воспитанницы давали ей и того больше, с пеной у рта доказывая, что постоянное существование в подземелье неплохо законсервировало смотрительницу. Гибкая, стремительно-грациозная, в неизменно коротком платье, выгодно подчеркивавшим стройные ноги, она иной раз казалась сущей девочкой.

На ее широком поясе слева висел легендарный Аргумент – одна из главных монастырских реликвий. По обычаю, он передавался из поколения в поколение смотрительницам Клетки. История не сохранила информацию, откуда в Монастыре появилась эта странная вещь, хотя легенд ходило немало. С разными вариациями они обыгрывали одно и то же: в незапамятные времена Аргумент был захвачен после тяжелой битвы, в которой погиб один из Владык Рода. История хромала на обе ноги – демоны недолюбливали клинковое оружие, но даже в противном случае весьма сомнительно, что высший подобного ранга мог быть хозяином столь

хрупкого меча. Впрочем, хрупкость Аргумента была кажущейся – его странная зеленоватая сталь с легкостью перерубала прутья арматуры и, что самое удивительное, без труда рассекала броню низших. Пленные демоны содержались в Клетке несколько лет, прежде чем Земля их добывала до конца, лишая остатков интеллекта. Взбесившаяся тварь начинала метаться по камере, ударяясь о стены до тех пор, покуда не падала замертво. Но это случалось редко: по суровому обычаю Монастыря, в таких случаях Лилит вступала в схватку, вооруженная одним лишь Аргументом. Надо сказать, шансов у сбрендивших низших практически не было – бой заканчивался быстро и не в их пользу. Но все же смотрительницы редко умирали своей смертью.

Стоя перед младшими воспитанницами, Лилит неспешно, своим певучим голосом, произносила одну из стандартных речей. Даже отсюда Мюллер прекрасно слышала каждое слово – таковы особенности речи смотрительницы и акустики подземелья.

– Вы не первый раз проходите это испытание. Сегодня все, как обычно, вам просто необходимо преодолеть весь коридор. По его сторонам сорок камер, почти все они пусты, но в некоторых есть обитатели. Сколько их и где они, вы не знаете. Увидеть вас демоны могут только вблизи, сквозь тонкую щель. Идти будете по очереди, как только одна достигает конца коридора, начинается движение следующая. Враги голодны, на вас обрушатся смертоносные удары. Кто не выдержит – погибнет. Любая из вас может отказаться, после чего покинет Монастырь. Вы элита Ордена, в ваших рядах нет места тем, кто уязвим для нашего противника. Итак, есть желающие отказаться от испытания?

Вопрос был риторическим – на тренировки подобного уровня не допускались излишне мягкотелые воспитанницы. Их отсеивали на более ранних этапах подготовки. Слишком слабые сюда также не попадали, у настоятельницы для них был простейший тест – немного крика, череда ментальных ударов собственного изобретения, и все становилось ясно. Те девочки, кто в ходе проверок сохраняли свои штаны сухими, были способны выстоять и против ослабленного низшего. Далее оставалось только продолжать тренировки, постепенно усиливая нагрузки.

– Хорошо, – констатировала Лилит, – не будем терять время. Приступайте.

Первая девочка, не колеблясь, шагнула в коридор. Она не преодолела и десятка метров, как яростный импульс голодной твари заставил ее покачнуться. Восстановив равновесие, воспитанница последовала дальше, почти не реагируя на новые удары. Настоятельница зафиксировала в памяти, что девочка ставит мощный щит только после первой атаки – на бессознательном уровне работать еще не научилась. Один из обычных психологических барьеров, если его не убрать, то защита не выдержит мощную, внезапную атаку полноценных низших, не говоря уже о более опасных созданиях. Придется погонять эту воспитанницу отдельно, она того стоит – очень уж легко отражает удары обитателей Клетки.

Внимательно проследив за всеми девочками, Мюллер отметила изъяны щита еще у двоих, в голове наметила краткую программу исправления этих недочетов. Особого смысла в этом не было – Лилит уже через несколько минут расскажет куратору группы о том, как ведет себя каждая из воспитанниц. Однако настоятельница старалась держать под контролем подобные вещи – доверяй, но проверяй. Она редко вмешивалась лично в подготовку младших воспитанниц, но все же такое бывало. На эти случаи необходимо постоянно держать руку на пульсе учебного процесса.

Проследив, как воспитанницы направились к выходу, она было собралась спуститься вниз для разговора с Лилит – ей хотелось сравнить впечатления о результатах испытания. Однако сделать ей это не дали – на галерею поднялась Кобра. Уважительно кивнув, она четко произнесла:

– Вас вызывают по закрытому каналу. Вы просили сообщать об этом сразу.

– Хорошо, я сейчас подойду. Будьте добры, примите у смотрительницы устный рапорт о ходе испытания. Потом доложите мне.

Поднимаясь к выходу, настоятельница услышала гул подъемников и перепуганное мычание. Раздразненных тварей кормили после каждого испытания, дабы они не вышли из строя раньше времени – пополнять Клетку новыми обитателями было затруднительно. Взбесившиеся низшие никакой практической ценности не имели.

Они теряли ментальные способности.

– Господин президент?

– Да, разумеется. Если не ошибаюсь, господин Герберт?

– Нет. Господин Герберт больше никогда не сможет с вами разговаривать. Зовите меня Ланс. С этого дня я курирую в Ордена вашу страну, все контакты с нашей структурой будут идти только через меня. Надеюсь, вы поняли?

– Я бы хотел поговорить с господином Гербертом. Он должен передать вам свои полномочия.

– Вы считаете меня самозванцем?

– Ну что вы! Разумеется, нет! Самозванцу трудно узнать этот номер. Кроме того, соединение проходит только после пароля. Вы человек Ордена, это бесспорно. Но все это странно, мы всегда сотрудничали через господина Герберта, и я бы очень хотел сказать ему пару слов на прощание.

– Господин президент, вы знаете, что такое персонифицированный ментальный удар?

– Что-то непонятное... В общих чертах про ментальный удар я знаю, но вот персонифицированный...

– Господин президент, дальнейшая наша беседа требует от вас полного понимания этого вопроса. Скажите, Резник, ваш телохранитель, далеко?

– Нет, а в чем...

– Пожалуйста, пригласите его в кабинет.

– Но...

– Не медлите, он крайне необходим для маленькой демонстрации. Без него я не буду продолжать беседу.

Президент прикрыл микрофон трубки рукой, отдал приказ референту. Не прошло и минуты, как в кабинет вошел Резник, хотел было отрапортовать, но замер, остановленный жестом первого лица страны.

– Господин Ланс, Резник здесь.

– Как его самочувствие?

– Нормальное, – ответил вконец удивленный президент.

– А сейчас? – с легкой насмешкой уточнил Ланс.

Он, не переставая улыбаться, вслушался в шум и крики в трубке. Президент отозвался только через две минуты. Растерянным, срывающимся голосом чуть ли не прокричал:

– Что?! Что, черт возьми, все это значит?!

– Я так понял, что самочувствие Резника в последнее время несколько ухудшилось?

– Да! И я бы хотел...

– Господин президент, нельзя ли потише? Я почти оглох на одно ухо, а оно мне еще дорого, знаете ли. И, кстати, можете не напрягать врачей, они здесь не помогут. Господина Резника покинула сама жизнь, это неизлечимо. А произошло это по одной простой причине: вы отказались признавать мои полномочия. Ну и?

– Что происходит? Как вы это сделали?

– Сделать это несложно. Орден на днях подвесил несколько спутников с хитроумными излучателями. Не буду вдаваться в подробности, но в любую минуту мы можем уничтожить

любого из восьми с половиной тысяч должностных лиц вашей страны. У нас сняты их ментальные характеристики, они введены в память бортового компьютера. Губернаторы, силовики, офицеры высокого ранга... Список очень длинный. Вы, кстати, тоже в нем состоите, вместе со своей семьей. Если у вас возникло желание спрятаться, пожалуйста. Нам очень интересно, как вы сумеете это сделать, не покинув страну. А ведь покидать придется спешно, и не факт, что на Земле найдется местечко, где вы будете в безопасности. Ну как, вы меня понимаете? Или для демонстрации прикончить еще пару десятков ваших приближенных?

– Нет, я все понял. Чего вы хотите?

– Господин президент, как вы, наверное, уже догадались, я представляю очень могучие силы, которые пришли к выводу, что последние события в Ордене не пойдут ему на пользу. Они решили, что ситуация нуждается в корректировке... жесткой корректировке. Проще говоря, в нашей организации намечается грандиозная чистка. Так уж получилось, что те сотрудники, с которыми вы столь плодотворно работали в последнее время, признаны балластом, а от балласта принято избавляться. У вас два выхода: первый – помочь нам провести уборку; второй выход – неправильный. Итак?

Президент молчал несколько секунд, но это была не та ситуация, где можно закусывать удила. Орден не раз окунал земных правителей головой в дерьмо, у тех уже на генном уровне сформировалась склонность соглашаться со всеми требованиями этой странной организации. То, что в ней намечалась междоусобица, ничего не меняло – всегда прав тот, у кого самая большая дубина. А у тех людей, от имени которых говорил Ланс, дубина была просто грандиозной. Давненько Орден не прибегал к столь сильным аргументам в спорах с земными правителями.

– Какая помощь вам требуется?

– Приятно встретиться с такой отзывчивостью, – с легкой насмешкой отозвался Ланс. – От вас многого не требуется, не беспокойтесь. Небольшое содействие в военных вопросах. Нам необходимо оружие, которым Орден не обладает.

– Что именно?

– В частности, кое-какие авиабомбы и средства их доставки. В силу специфики деятельности Ордена мы таким оружием не располагаем, до сего дня оно нам никогда не требовалось. Помимо этого у меня целый список, проще сбросить его факсом. Мы ждем от вас оперативности – к завтрашнему дню все должно быть готово.

– Я сделаю, что могу. Но не гарантирую, что все успеем.

– Успеете. Мы ведь не требуем за сутки развернуть несколько танковых дивизий. Так... сущие пустяки. Очень рекомендую не затягивать с этим. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Да, – почти без паузы ответил президент.

Настоятельница положила трубку, достала из пачки третью за день сигарету, но прикуривать не стала – просто задумчиво закрутила меж пальцев. Было о чем задуматься – ход событий ей не нравился, и чем дальше, тем хуже. Все ее усилия по упорядочиванию хода событий разбивались о мнение большинства, которое пребывало в эйфории от намечающейся схватки. Она знала, что подобного в истории Ордена еще не было, но также знала, что менее масштабные заговоры все же случались. И прекрасно помнила, чем они заканчивались.

Настоятельница была против привлечения гражданских структур, но остальные заговорщики решили, что земные правители могут оказать неоценимую помощь в перевороте. Кто знает, возможно, и так. Времена меняются, прежде дикие земляне достигли немалых высот, кое-где обогнав даже Орден с его чужеродными технологиями. В кабинете Мюллера все было сделано на гражданских предприятиях, если не считать заряженного «Тайфуна» в стенном шкафу. Но это было просто исключение, только подтверждающее правило.

Орден стал во многом зависеть от обычных землян. Что говорить, если даже большая часть боевой техники изготовлена на обычных военных заводах, ее лишь незначительно моди-

фицировали. При удаче помощь со стороны армии и спец-служб окажется весьма кстати. Структура Ордена децентрализована, но все же есть узлы, на которых держится вся его сеть. Умелый удар по некоторым из них с захватом остальных приведет к полной смене власти, а затем и политики организации. Но как всегда – гладко выходит только на бумаге...

Оппоненты не собираются молча ждать, когда к ним ворвутся спецназовцы в черных боекостюмах. Они огрызаются, причем делают это неожиданно, в самые неподходящие моменты. Пустячный эпизод – что стоит помочь земным правителям в такой мелочи, как обычная контртеррористическая операция? Монастырю нетрудно – пусть девочки потренируются, а гражданские порадуются, что приведет к большему укреплению связей. Но закончилось все неожиданно – безликий враг продемонстрировал свое отношение к интеграции со спецслужбами. Жестоко продемонстрировал.

Это война, и настоятельница еще ночью поняла, что заговорщики к ней не готовы. Если противная сторона столь нагло, не маскируясь, наносит удар, то речь идет не столько о наглости, сколько о припрятанных тузах. И кто знает, сколько среди этих тузов козырных. Вся подготовка последних месяцев внезапно показалась детской суетой, а предпринятые шаги обидно незначительными. По плану, до начала переворота оставалось еще больше недели, всякое выступление раньше намеченного срока чревато почти неизбежным провалом. Пути назад нет – поезд событий набрал свой ход.

Настоятельница все больше склонялась к мысли, что машинист поторопился.

Глава 3

Высокий, прекрасно сложенный светловолосый мужчина средних лет прошел в дверь, предупредительно распахнутую охранником. Окинув взглядом помещение, являющееся сердцем командного центра разворачивающейся операции, он остался доволен. Все сотрудники вскочили, приветствуя лицо столь высокого ранга. Жестом руки остановив начальника штаба, собравшегося делать доклад, он четким, отлично поставленным «командирским» голосом обратился к собравшимся:

– Меня зовут Ланс, обращаться ко мне можно по званию – магистр. Я буду следить за тем, как вы справитесь с сегодняшней задачей. Я знаю, что операция подготовлена поспешно и плохо скоординирована. С этим придется смириться и свести негативные последствия к минимуму. Ключ к успеху – четкое выполнение сроков, каждый удар должен быть нанесен в точное время. Расхождения с графиком могут дать возможность противнику нанести ответный удар. В свете последних событий я не удивлюсь, если они узнают о месторасположении этого командного пункта. Если вы думаете, что бункер вас защитит, то ошибаетесь – от мощного ядерного удара он не спасет. Можете не сомневаться, будучи загнанным в угол, наш противник не раздумывая применит любое оружие.

Сделав паузу, он повернул голову из стороны в сторону, странным образом успев за каких-то пару секунд заглянуть в глаза каждому из нескольких десятков сотрудников:

– На лицах некоторых я вижу следы удивления. Очевидно, это вызвано неожиданностью операции и спецификой нынешнего противника. Должен вас предупредить: я не допущу мягкотелости. Мы должны действовать не только с четкой быстротой, но и с хладнокровной жесткостью. Как ни печально будет проделывать некоторые вещи, без этого не обойтись. Те из вас, кто допустит умышленную или случайную ошибку, нарушившую нормальный ход операции, будут казнены на месте. Это противоречит правилам Ордена, но в данной ситуации подобные меры оправданы. Вы можете пожаловаться на нарушение уставов, но только после окончания операции. С этой минуты считайте себя участниками сражения. Итак, все по местам.

Дисциплинированные сотрудники замерли за мониторами и пультами связи. По всем каналам пошли десятки зашифрованных речевых и телексных сообщений, активируя подготовленные части сложнейшей головоломки, называемой Лансом «операцией». Эти части были грубо обработаны и плохо подогнаны, но с этим придется смириться. На идеальную подготовку просто нет времени.

Пробой произошел приблизительно в ста километрах от Монастыря. Несмотря на большое количество пеленгаторов, размещенных в этом районе, зафиксировать его не удалось. Немудрено – приемная камера была укрыта на глубине более тридцати метров и тщательно экранирована листами спец-сплава, используемого Орденом, что позволяло хозяевам появляться безо всякого опасения. Помимо безопасности здесь также можно было воспользоваться отличным сервисом, позволявшим даже для самых привередливых гостей сократить срок адаптации к новому миру до нескольких часов.

Служки терпеливо дождались окончания свистопляски сигнальных огней, мощная вытяжка быстро удалила из приемной камеры чуждую атмосферу, после чего, согласно ритуалу, они молча покинули помещение. Два адепта более высокого ранга сняли мощные стопоры, с натугой раздвинули двери, тускло блеснувшие на совесть отполированным желтовато-серым металлом. С трудом скрывая волнение, высокий мужчина в черном облачении повернулся к входу спиной, низко поклонился, после чего вновь занял исходное положение и устался на зияющий проем.

Гость пожаловал в одиночку. Жрец этому не слишком удивился – он с первого взгляда определил в нем высшего, а те почти никогда не перемещались в компании. Собственно говоря, хозяева столь высокого ранга еще ни разу не посещали это святилище. И вообще, вот уже более семнадцати лет данный портал не использовался по прямому назначению, оставаясь не более чем культовым сооружением их филиала Церкви.

Жрец много повидал за свои без малого семьдесят лет жизни, из которых сорок пять отдал службе. Хотя ему не удалось стать одним из верховных иерархов Последней Церкви, но карьеру в ней он сделал неплохую. Ведь возглавляемая им ячейка организации была на особом счету, так как располагалась почти в центре вражеской территории. Всего в семи километрах отсюда располагался подземный завод, на котором получали сверхтяжелые элементы для «чистого» ядерного оружия; чуть подалее, в одиннадцати, на берегу красивой реки стоял санаторий, где проходили реабилитацию тяжелораненые воины. Этими объектами владел главный враг Последней Церкви – Орден Файра. Если бы там вдруг узнали о существовании святилища, то после этого оно бы просуществовало не более часа. Увы, слишком несопоставимы их весовые категории – адепты не смогут противостоять тяжеловооруженному спецназу; да и церемониться с ними не станут – нападающие, не задумываясь, применят любое оружие. Несмотря на все меры предосторожности, экран не давал стопроцентной гарантии укрытия от всевидящего ока сенсов, усиленного пеленгаторами. Так что демон шел на риск, появляясь в столь опасном месте.

Изучив гостя подробнее, жрец нахмурился еще больше. Его ничуть не смутило то, что коленопреклоненный хозяин не подавал признаков жизни. В отличие от простых служек, он знал, что демон сейчас беспомощнее младенца и будет находиться в таком состоянии от нескольких мгновений до часа. Служителя насторожило вовсе не это, а полное отсутствие симбиотов на теле высшего, что однозначно указывало на его боевую принадлежность. Появление подобного существа в этом мирном регионе было событием, мягко говоря, маловероятным. Кроме того, непонятно, что с ним теперь прикажете делать? Служки уже подготовили стандартную ритуальную часть, что совершенно не подходило для подобной встречи. И что, черт возьми... нет, бог возьми... ему здесь понадобилось?

Жрец растерялся.

Между тем гость не стал растягивать первичную адаптацию на час, что неудивительно, учитывая его боевую специализацию. Громадная фигура медленно, но уверенно выпрямилась, вызвав шуршание опадающих чешуек отслоившегося в межпространстве хитина. Жрец уважительно поднял бровь. Он был стар и умен, давно минули те времена, когда подобные встречи вызывали в его душе бурю благоговения. Религиозный экстаз сошел на нет, уступив место скрупулезному исполнению ритуалов. Время принесло опыт и знания, теперь он знал о хозяевах больше, чем все его прихожане вместе взятые, и не испытывал при их виде священного трепета. Впрочем, трепет все же был, но вызывал его банальный страх, принесенный теми же знаниями. Они же позволили ему легко определить, что демон сильно страдает, но все же не стал затягивать первый этап адаптации, что позволило бы значительно облегчить его муки.

Справившись с неуместной растерянностью, жрец опустил голову и, не глядя на демона, произнес:

– Приветствую тебя, повелитель. Я Ксас, хранитель дверей и твой верный слуга. Прости, но мы не ожидали, что прибудет воин, стоящий над легионами, и не подготовили надлежащую встречу. Прошу тебя, дай нам немного времени исправить эту ошибку.

Жрец исподлобья покосился на гостя, и в это мгновение тот поднял веки столь неожиданно и стремительно, что Ксас вздрогнул. Правый глаз хозяина был желтого цвета, он почти сиял золотом, левый, напротив, – тусклым, похожим на кусок некачественного, мутного янтаря, покрытый странными фиолетовыми прожилками. Узкие щели зрачков уставились

на человека, ороговевшие лицевые пластины дрогнули, безразличным, специфически приглушенным голосом демон произнес:

– Называй меня Тринадцатый. Ксас, ты мне поможешь, к вечеру я должен восстановиться полностью.

Жрец послушно кивнул:

– Мы держим двух девочек со светлыми волосами. Это изысканное лакомство специально для повелителей твоего ранга. Их жизни позволят тебе быстро восстановить свои силы.

– Нет, – повысив голос, изрек демон. – Я воин, мне нельзя трогать ваших самок, ты должен был это знать... жрец.

Рухнув на колени, Ксас с неожиданным для его возраста проворством развернулся к демону спиной, отвесил поклон до каменного пола и, оставшись в таком положении, поспешно затараторил:

– Прости меня, повелитель! Я стар и глуп, и никогда не видел воина столь высокого ранга! – Чуть помедлив, он на всякий случай добавил: – И в моем высохшем теле почти не осталось жизни.

Несколько мгновений полной тишины показали жрецу вечностью. Он уже было почувствовал, как в затылочную впадину вонзается коготь, чтобы согласно ритуалу отнять жизнь у нерадивого служителя, но тут демон заговорил:

– Ксас, мне не нужна твоя жалкая жизнь, мне нужна твоя служба. Найди мне другую пищу, помни – вечером я должен вернуть свою силу.

Поняв, что угроза миновала, жрец с достоинством поднялся, поправил на шее массивную цепь с большим перевернутым крестом из полированного железа и произнес:

– Повелитель, мы можем быстро предоставить тебе множество мелких и крупных животных, птиц, возможно, мужчин.

– Одного теленка и двух куриц мне не хватит, – уточнил гость.

– Да, повелитель, мы постараемся доставить тебе много жизней. Я сделаю все, что в моих силах.

– Потом мне понадобится от тебя и другая помощь, – предупредил демон и, обгоняя вопрос жреца, добавил: – Сейчас я не стану ничего говорить. Принеси мне жизни и не медли.

– Да, повелитель! – воскликнул жрец и, уже бросившись к выходу из зала, был пригвожден тихой фразой:

– Девочки тоже пригодятся, следом придут мои Двенадцать, а с ними золото, предназначенное для твоей церкви. Надо закрыть этот грот от глаз наших человеческих врагов.

Судорожно сглотнув, жрец суетливо кивнул, позабыв о ритуальном поклоне. Если появление высшего воина еще можно было как-то объяснить, то наличие при нем свиты – Дюжины говорило только об одном – назревает нечто страшное, грозящее кому-то грандиозными неприятностями. Программы теленовостей в ближайшее время резко поднимут свой рейтинг – новости пойдут одна интереснее другой. Зачем на Землю явилась Дюжина, или за кем, Ксас не знал, и, честно говоря, в данный момент даже знать этого не хотел.

Главное, что Дюжина пришла не за ним.

Вжикнула молния, сигнализируя об окончании коротких сборов. Взвесив в руке небольшую сумку, Лина наглядно убедилась, сколь мало у нее личного имущества. В этот раз ей не понадобится хорошо подогнанный камуфляж и прибор ночного видения – это не те вещи, что остро необходимы на южных морях. А без подобных военных игрушек ее ноша просто мизерная. Покачав головой, девушка с досадой произнесла:

– С такой сумкой я выгляжу бедной родственницей.

К ее удивлению, Вика, сидящая рядом, все услышала и даже ответила, правда, невпопад:

– Не переживай, деньги у тебя есть. Купишь любую сумку, какая понравится.

– Дело не в ней, – возразила Лина. – У меня ведь ничего нет, совсем ничего. Все мои вещи легко помещаются в маленькой сумке, да и то в ней еще много места остается. Впрочем, ты права, деньги есть, а это главное.

– купишь себе все что надо, – поддакнула Вика. – У тебя ведь даже купальника нет.

Лина удивленно подняла брови – подруга сегодня вела себя крайне необычно. При прохождении практики она намертво влюбилась в одного из штатных сенсов Стокгольмского филиала, причем взаимно. Теперь разговаривать с ней было почти невозможно – произнеся три слова, она немедленно сворачивала беседу в привычную колею, обсуждая своего ненаглядного, а после десяти слов доставала фотографии. Дошло до того, что Лина иной раз во сне видела рослого белобрысого шведа с его идиотской улыбкой; если так будет и дальше, то вскоре при одном его воспоминании у нее начнет срабатывать рвотный рефлекс. Нет, парень, конечно, симпатичный, но не в таких же количествах! Причем рассказы Вики были одни и те же, вся казарма уже до мельчайших деталей знала все подробности их отношений. А ведь прежде девушка славилась своей молчаливостью и серьезностью – вот что любовь делает с человеком.

Лина порадовалась тому обстоятельству, что Вику не привлекали к спецоперации. Она могла по часу смотреть в одну точку с загадочной полуулыбкой. Сбрось ее в таком состоянии с самолета, она бы наверняка забыла раскрыть парашют. Дошло до того, что даже Мюллер махнула на нее рукой, вынеся беспощадный вердикт – пропала воспитанница. Так что нынешняя словоохотливость Вики очень удивляла. Очевидно, до ее сознания все же дошел факт расставания с подругой.

Повесив сумку на плечо, Лина заявила:

– Ну все, давай прощаться.

– Зачем прощаться? – вскинулась Вика. – Я тебя провожу до самого вертолета, там и попрощаемся.

Вздыхнув, Лина насмешливо-сожалеюще произнесла:

– Вика, ты действительно пропала! Элементарных вещей уже не помнишь! Разве забыла про приказ?

В глазах подруги промелькнула тень понимания, она поспешно кивнула:

– Точно! Совсем позабыла, ведь выпускникам запретили покидать казармы. Ладно, давай тогда прощаться. И слушай, я вот что подумала... У Отто много друзей, тебе все равно делать будет нечего, сможешь познакомиться с ними через Интернет. Там есть очень симпатичные парни. Особенно его двоюродный брат. Ты не поверишь, он...

– Вика, я эту историю уже лучше тебя знаю!!! – чуть не выкрикнула Лина, закатывая глаза.

– Все! Все! – поспешно затараторила подруга. – Ладно. Но ты все же сразу позвони, как долетишь. Хорошо?

– Конечно! Я и тебе, и Ленке позвоню. Обязательно.

Проведя короткий ритуал расставания, Лина, проходя мимо спортивного уголка, кивнула двум разминающимся выпускницам, кроме них в казарме никого не было. Получив в ответ столь же сухие кивки, она вышла на улицу, в очередной раз отметив, что, несмотря на компактность проживания, воспитанницы держались не слишком дружно. В основном все кучковались по три-четыре человека, почти полностью игнорируя остальных девушек, так что Монастырь трудно было назвать дружной семьей. Хотя в трудной ситуации можно было не опасаться за свою спину, если ее прикрывает кто-то из даже малознакомых воспитанниц.

До вылета еще оставался запас времени, но Лине надо было закончить одно небольшое дело, для чего пришлось сделать крюк в сторону мастерских. Воровато оглянувшись, девушка убедилась, что никто ее не видит, и шмыгнула в боковую пристройку закрытого тира. Сокращать дорогу подобным способом было строжайше запрещено. Лина уважала монастырские правила, но не настолько, чтобы ради них топтать лишние двести шагов.

Никем не замеченная, она выскользнула через запасной выход, прямо за спиной Кобры. Лина приняла самый беззаботный вид, демонстрируя, что законопослушно шла, как положено – в обход. Но Кобра даже не обернулась – ненавистная садистка торопилась в сторону малого плаца, наверняка собираясь устроить пятиминутку ненависти очередной группе младших. Скорчив ей в спину презрительную гримасу, Лина свернула на боковую дорожку, обогнула пусковую установку зенитных ракет, прикрытую брезентовым навесом. Уже за ней заметила, что Гайка закрывает дверь своей мастерской.

Прибавив шаг, Лина крикнула:

– Галина Андреевна! Подождите!

Женщина замерла, развернулась, сильно щурясь, уставилась на приближающуюся девушку. Лина плохо знала эту женщину – воспитанницы вообще мало контактировали с технической службой Монастыря. Но то, что Гайка чудовищно близорука, девушка знала прекрасно. Мастерница не вела занятий, но на ее оборудовании многие старшие подгоняли свою амуницию и оружие. В свое время она парочкой советов научила Лину нормально точить и балансировать ножи.

Уже в упор рассмотрев девушку, Гайка ее узнала:

– Алина?

– Да. Галина Андреевна, помните, я вам давала камень, вы обещали просверлить в нем отверстие, под цепочку?

– Помню, – кивнула женщина. – Ты пришла за ним?

– Да. Извините, что беспокою, но я надолго покидаю Монастырь, даже не знаю, когда вернусь...

– Минута меня не разорит.

Повернувшись к двери, она достала ключ, открыла ее, приглашающе кивнула. Лина шагнула в сумрак пустой мастерской, недовольно поморщилась – здесь жутко воняло растворителем. Гайка, даже не заметив ее гримасы, прокомментировала:

– Не краска, а дрянь. Я вытяжку как раз на всю включила, хочу прогуляться, пока эта гадость не выветрится.

Безошибочно достав из нагромождения на полке маленькую коробочку, она протянула девушке фиолетовый кристалл размером с палец руки:

– Вот, возьми. Только ничего не вышло, не смогла я его просверлить.

– Ничего страшного, – отмахнулась Лина. – Это у меня вроде талисмана... Память. Буду просто в кармане носить.

– Понятно. Так даже лучше, если носить его на цепочке, то будет некрасиво. Аляповато слишком и грубо.

– Я хотела его как брелок использовать. Было бы симпатично.

– Можно к нему эпоксидкой ушко приклеить. Держаться будет хорошо.

– Некогда, эпоксидка сохнет долго, а я сейчас улетаю.

– Понятно. А все же странно.

– Что странного?

– Да камень странный. Это ведь аметист?

– Ну да.

– Его алмазное сверло не взяло. Может, оно никудышное? Я редко им пользуюсь, обычно оно не требуется. Мне подсказали, что камни специальным станком сверлят, ультразвуковым, но где же его здесь взять? А стальным сверлом нельзя, камень раздавишь. Я пробовала так, просто поцарапать. Бесполезно, даже следа не осталось. Интересный камень, и красивый. Из него можно красивую вещицу сделать, если найти специалиста. У нас таких нет, в Монастыре с камнями не работают.

– Может, и найду, – кивнула Лина, нетерпеливо косясь на дверь.

– Ну пойдем, – заявила Гайка, направляясь к выходу.

Выбравшись наружу, Лина с наслаждением сделала огромный глоток свежего воздуха, чувствуя себя бойцом, вырвавшимся из очага применения химического оружия. Пока Гайка закрывала дверь, девушка подняла руку, разглядывая кристалл на солнечном свете. Фиолетовая глубина прозрачного камня показалась девушке необычно мягкой, будто он радовался соединению со своей любимой хозяйкой, некогда вытащившей его из грязи уничтоженного поселка. Вспомнив, как впервые увидела его верхушку, сверкнувшую в солнечном свете, Лина невольно вспомнила и все остальное. В нос ударил резкий аромат хвои, нарубленной разрывными пулями, он смешался с тошнотворным запахом свежепролитой крови. Перед глазами пронесся калейдоскоп картинок, заставивших невольно опустить руку, прижав ее к левой груди – здесь по-прежнему иной раз ныли ребра, реагируя на изменение погоды.

Из забытья ее вывел недоуменный вопрос Гайки:

– Тебе плохо?

Очнувшись, девушка торопливо ответила:

– Нет, все в порядке. Просто... Просто задумалась... Немного.

– Ты на завтраке была?

– Да.

– Что там сегодня?

– Овсянка с изюмом, салат из помидоров и огурцов, брынза.

– Редкий подбор, – вздохнула Гайка. – Салат хоть без лука?

– Без. Только зелени немного добавлено.

– А... Понятно. Ну что же, летишь, значит счастливого полета.

– Спасибо, – кивнула Лина и, поправив сумку, направилась в сторону казармы гарнизона Монастыря.

За ней располагались вертолетные площадки, где обосновались могучие винтовые машины, готовые взлететь в течение нескольких минут и вступить в схватку с кем угодно – от орды диких до танковой колонны. Лина не раз управляла подобными машинами на учебных вылетах и справедливо считалась одним из лучших пилотов среди своего выпуска, так что критиковали ее напрасно. Предстоящий перегон ее не пугал, летное задание несложное: подняться, занять назначенный эшелон и следовать прямым курсом до завода Ордена. Эти края по праву считались одним из главнейших узлов структуры организации: помимо Монастыря здесь располагалось несколько учебных и производственных центров, гарнизоны, транспортные структуры, штабы со своей системой связи, госпитали и санатории, свои дома престарелых. Территориально все это находилось в России, что добавляло удобства и способствовало нормальному функционированию всей этой системы. В случае, если этот узел будет уничтожен, Орден сможет оправиться от удара – ведь таких центров было несколько. Да и разгромить все здешнее хозяйство не так просто – все было рассредоточено в радиусе двухсот километров, и здесь хватало защитников.

Пройдя по коридору, обтянутому колючей проволокой, Лина встала перед дверью караулки, показала лицо камере слежения и четко доложила:

– Ветрова Алина. Перегон.

Щелкнул электромагнитный замок, девушка поспешно шагнула в прохладное помещение, давая поскорее закрыть за собой дверь. Здесь на всю мощность работал кондиционер – сентябрь выдался на удивление жаркий и сухой. Женщина-охранник в униформе службы безопасности Монастыря кивнула Лине и скучаяще произнесла:

– Проходи в раздевалку, бери любой шлем. Слева увидишь, они там на стеллажах разложены.

– Да, я знаю.

– И поспеши, тебя уже спрашивали.

Взглянув на часы, Лина убедилась, что у нее еще девять минут, но спорить не стала. Впрочем, с переодеванием она не затянула. Сразу нахлобучив шлем на голову, вышла через внутреннюю дверь, направилась к вертолету, где и впрямь уже стояла женщина в синем комбинезоне, нетерпеливо поглядывая на приближающуюся воспитанницу:

– Ветрова? – уточнила она издалека.

– Так точно.

– Опаздываешь.

– Никак нет, еще две минуты.

Подняв руку, женщина посмотрела на часы и насмешливо покачала головой:

– Нет. Ты уже на две минуты опоздала. Вот она, хваленая пунктуальность воспитанниц.

– Странно, – удивилась Лина, – По моим часам наоборот.

– Выброси их на помойку, мои никогда не врут.

– Может, и так, – согласилась девушка. – Мои недорогие, да и много приключений пере-
несли.

– Ладно, – подытожила женщина. – Врач уже звонил, к полету ты допущена. Сложностей не предвидится, только учти, машина здорово облегчена, с нее сняли почти все вооружение, боеприпасов нет, а баки заполнены на три четверти. Летную обстановку знаешь?

– Да, инструктаж помню.

В этот момент запиликал телефон. Извинившись, Лина поднесла трубку к уху, успев заметить, что на экране высвечивается большая «М», обозначающая хозяйку Монастыря.

– Ветрова Алина слушает, – четко отпартовала девушка.

Пару секунд телефон молчал, но затем настоятельница заговорила своим обычным четким голосом, рубя слова:

– Улетаешь?

– Так точно!

– Да не ори как припадочная, я и так слышу. Что врачи сказали?

– Все нормально, к полету допущена.

– Ветрова, наши врачи к полету допустят даже паралитика с оторванной головой, я про здоровье спросила.

– Так это ведь не медосмотр. Пульс, давление, температура... Все в порядке.

– Ладно, проводить я тебя не смогу. В общем, счастливого пути. Позагорай, отдохни, тебе это полезно. Море посмотришь, южных горячих парней. Если забеременеешь... Лучше и не пытайся, аборт собственноручно сделаю, ты меня знаешь. И пьянствовать настоятельно не рекомендую, ты даже не представляешь, как ловко я умею от этого дела отучать. Кодирую за полторы минуты. Надеюсь, ты все поняла?

– Так точно, – чуть не вздохнув, ответила Лина.

– Ты чем-то недовольна? – немедленно уточнила настоятельница.

– Никак нет! Я... я думала, что смогу вас увидеть лично... Перед отлетом.

– Понятно, – смягчилась настоятельница. – Я бы пришла, но мне сейчас нельзя отходить от этих трахнутых телефонов. Но не переживай, долго отлеживаться на песочке я тебе не позволю. Скоро вернешься, и уж тогда я за тебя возьмусь всерьез. Ты у меня на луну будешь выть, гарантирую.

Лина непроизвольно улыбнулась, но тут же подавилась улыбкой.

– Ветрова, что тут смешного?

– Я не смеюсь! – чуть не закричала девушка, потрясенная прозорливостью настоятельницы.

– Это ты врачам расскажешь после того, как я до тебя доберусь. С такой улыбкой тебе в дурдоме место, даже смотреть тошно. Ладно, некогда мне с тобой разбираться. Марш в вертолет! И ты это... В общем, счастливого полета. И отдохни там хорошенько. Поняла?

– Да. И вам удачи и всего хорошего, надеюсь, здесь все будет нормально.

– Ветрова, без тебя здесь обязательно будет все нормально. Ты же у нас эпицентр всех неприятностей, так что пусть с тобой южные филиалы разбираются. Все, до связи.

Лина положила трубку в карман, повернулась к вертолету. Она вдруг подумала, что всего второй раз покидает Монастырь, ставший ей домом. Причем в первый это закончилось плохо. Настолько плохо, что даже спустя более чем два месяца ей стыдно будет показываться на пляже в открытом купальнике, выставляя на всеобщее обозрение пятна шрамов, оставленных хитиновыми шипами высшего демона. Они небольшие, да и со временем их залечат до конца, но пока это время не наступило. Впрочем, можно купаться в сумерках или даже ночью, при луне. Лина слышала, что это принято среди отдыхающих. В общем, на месте будет видно. Если дорога пройдет без осложнений, то уже вечером следующего дня она будет на месте и впервые в жизни увидит море. Девушке заранее казалось, что оно ей понравится.

Она была уверена, что полет пройдет нормально.

Настоятельница проследила за удаляющимся вертолетом, вернулась к столу, аккуратно положила мощный бинокль в средний ящик. В который раз подумала, что стоит сменить его на что-то новенькое, с более мощной оптикой. То, что Алина улыбалась при разговоре, она смогла различить с превеликим трудом, скорее все же догадавшись, чем действительно увидев.

Ну что ж, еще с одним делом покончено. Оно скорее личного характера, но настоятельница давно уже не принадлежала себе: личного как такового у нее нет – вся ее жизнь служение, и не стоит забивать себе голову судьбой любимой воспитанницы в это непростое время. В дверь коротко постучали.

– Войдите.

Начальница канцелярии здороваться не стала – хотя они сегодня и не виделись, но у них не принято было приветствовать друг друга. Присев напротив настоятельница, Буренка протянула из предложенной пачки первую утреннюю сигарету, поднесла ее к настольной зажигалке, затянулась, с удовлетворением констатировала:

– Первая затяжка, что-то я сегодня поздно.

– Вставать раньше надо, – буркнула настоятельница.

– К чему? До обеда дел все равно не будет, если бы не твоя секретная планерка, то спала бы спокойно до восьми.

– И так ты уже поперек больше, чем ввысь, еще и спать собралась полдня.

– Не клеветщи, – спокойно возразила Буренка. – Я почти до двух ночи разбиралась с новым персоналом.

– И как?

– Плохо. В северном секторе нет условий для размещения такого количества людей. Им нелегко приходится.

– Ничего, неженки там нет, потерпят.

– Может... часть все же перебросить на другие объекты? Хотя бы женщин из боевых групп. Замаскируем их среди техников и воспитанниц...

– Нельзя! – отрезала настоятельница. – Я уже практически не надеюсь, что все эти приготовления удалось сохранить в секрете, но и окончательно отказываться от маскировки не намерена. Любое хорошее дело губят мелочи, это закон. Я не стану совершать глупые поступки, и без меня найдутся желающие этим заняться.

– Успокойся, – усмехнулась Буренка. – Ты еще голос на меня повысь, Мюллер в юбке.

Настоятельница снисходительно покачала головой:

– Тебе ли не знать, что я никогда в жизни не носила юбки.

– А слухи ходили, – не сдавалась начальница канцелярии.

– А их распускали такие кликуши, как ты, – парировала настоятельница и, мгновенно отреагировав на стук в дверь, рявкнула: – Войдите!

Кобра, осторожно просунув голову, подобострастно поинтересовалась:

– Можно?

– Нужно! – сурово ответила настоятельница. – Где тебя носит, ты должна была прийти еще четыре минуты назад!

– Часы остановились, – виновато ответила инструктор. – Только сейчас заметила.

– Бывает, – кивнула настоятельница. – Заходи уж, раз все же соизволила прийти.

Кобра открыла дверь пошире, внесла стул, поставила его на приличном удалении от хозяйки Монастыря, села, умудрившись на протяжении всего процесса держаться чуть ли не по стойке «смирно». Настоятельница поморщилась, увидев привычное приторно-подобострастное выражение лица подчиненной. Как и все, она недолюбливала эту стерву, что, однако, не мешало относиться к ней с определенным уважением. Кобра во многих отношениях была просто незаменимой помощницей, отличалась редкой исполнительностью и не задавала лишних вопросов. Кроме того, она была по-собачьи предана настоятельнице, что зачастую было очень удобно.

Настоятельница уже собралась было поспешно уточнить с соращицами ряд щекотливых вопросов до прихода остальных участниц планерки, из-за опоздания Кобры времени для этого осталось совсем немного. Однако в этот момент пронзительно зазвонил крайний левый телефон: Мюллер знала каждый из четырех по голосу, а этот тем более, так как в последние дни он беспокоил ее больше других. То, что на дисплее определителя не высветился номер, ее несколько не удивило – не первый раз.

Подняв трубку, она не успела ничего сказать, так как неизвестный собеседник опередил ее единственным словом, ударившим, будто молотом:

– Нельма?

Подавив смятение, настоятельница покосилась на пустой дисплей определителя номера и спокойно ответила:

– Да.

– Вас сейчас начнут убивать. Простите, больше ничем помочь не могу. Постарайтесь выжить.

Настоятельница несколько мгновений сидела не шелохнувшись, вслушиваясь в короткие гудки. В голове шла титаническая работа, она перерабатывала десятки вариантов, но все решения исходили из двух предположений. Первое: неизвестный собеседник соврал из каких-то своих соображений. Второе: он сказал правду, и сейчас должно произойти нечто ужасное. Так что это? Провокация или предупреждение неизвестного друга? Что следует предпринять?

Не обращая внимания на собеседниц, настоятельница подняла трубку другого телефона, нажала кнопку дозвона. На другой стороне провода отозвались почти мгновенно:

– Да?

– Мне только что кто-то сказал, что всех нас сейчас начнут убивать, – без предисловий заявила настоятельница.

– Кто? – не понял собеседник.

– Не знаю. Анонимный звонок по открытой линии. Этот телефон известен многим.

– Бред какой-то! Может, шутка? Кто-то из наших решил повеселиться?

– Не знаю. Все может быть. Ничего подозрительного не было?

– Тишина полная. После событий прошлой ночи все тихо. Даже странно, такое ощущение, что там работали не наши оппоненты, а неизвестно кто. Мы даже гипотезу разработали о...

– Ладно, – перебила его настоятельница. – Я позже перезвоню. У меня планерка, некогда разговаривать.

– Я сам перезвоню, через полчаса, как обычно.

– Хорошо. До связи.

Настоятельница не знала, что ее разговор был перехвачен. После звонка анонима те, кого ее последний собеседник назвал «оппонентами», не на шутку встревожились. Это событие могло отразиться на реализации их планов – подобного предупреждения в них не предусматривалось. Однако теперь они вздохнули спокойно – все обошлось. Если бы они смогли заглянуть не только в кабель связи, но и в душу настоятельницы, то их оптимизм бы существенно убавился.

Настоятельница приняла решение, еще не донеся трубку до базы. Она доверяла своим предчувствиям, а после событий прошлой ночи они однозначно говорили, что ничем хорошим это не закончится. Глупо верить анониму, но не в этом случае. Слишком многое поставлено на карту – она должна думать не только за себя, но и за всех обитателей Монастыря. В подобных случаях лучше перестраховаться.

Трубка с треском упала на рычаги, настоятельница резво вскочила, проворно приблизилась к стене, раскрыла маленький остекленный ящик, одним махом опустила вниз массивный бронзовый рубильник – памятник былых времен. Не оборачиваясь к опешившим женщинам, четко произнесла:

– Боевая тревога! Скорее всего, нас сейчас будут уничтожать. Кобра, пулей мчись в северный сектор, не медли ни секунды. Возьми с собой парочку инструкторов, ты наверняка перехватишь их у выхода. Постарайся увести все боевые группы на нижние уровни, далее направляйтесь к Ковчегу. Буренка, туда же гони воспитанниц и весь свободный персонал. Главное, успеть всех загнать под землю, так что пользуйтесь ближайшими входами, куда бы они ни вели. Там разберемся.

– Старших воспитанниц тоже? – уточнила растерявшаяся начальница канцелярии.

– Да. Отобьемся без них... Или не отобьемся. Боюсь, что это будет воздушный удар, здесь автоматы не помогут. Ну?! Что сидите, как застенчивые гимназистки перед венерологом?! Бего-о-о-о-ом!!!

– «Шестой», я «Девятый», вышел на позицию.

– Вас понял. «Десятый», вы уже развернулись?

– Никак нет, готовность четыре минуты.

– Почему медлите?

– Технический сбой, он уже устранен.

– Мы начинаем.

Глава 4

Через шесть с половиной минут после того, как настоятельница опустила рычаг бронзового рубильника, в зону действия ПВО Монастыря вошла первая цель. Она осталась незамеченной для чутких радаров зенитных систем, так как согласно заданной программе шла на низкой высоте, при любой возможности маскируясь в складках местности. Шум от ее двигателя был зафиксирован постом, входящим в систему защиты промышленного комплекса Ордена. Сообщение ушло в командный центр, но там и осталось – дежурная смена была предупреждена и не реагировала на нарушение воздушного пространства неустановленными летающими средствами. Впрочем, с поста сообщили, что, судя по всему, шум издавал двигатель крылатой ракеты, что полностью соответствовало истине. Но это уже было неважно.

Ровно через десять минут после того, как настоятельница объявила тревогу, ракета достигла цели, уничтожив центральную РЛС² Монастыря, что наполовину ослепило его систему ПВО. Две зенитчицы из расчета стали первыми жертвами сражения, но далеко не последними. Все только начиналось – к Монастырю подходила штурмовая авиация.

Отголоски взрывной волны заставили дребезжать стекла в рамах, настоятельница не стала уточнять, что именно там взлетело на воздух. Она прекрасно понимала, что первой целью станет система ПВО, и уже неважно, какой из ее узлов только что уничтожили. Монастырь был слабо защищен от воздушного нападения – до сего дня ему это не требовалось. Кольца обороны других учреждений Ордена прекрасно прикрывали его со всех сторон, но сегодня этого не будет – их атакуют свои же, если их так можно назвать. Вряд ли зенитчики смогут дать нападающим серьезный отпор, но и сдаваться раньше времени не стоит. Сейчас важна каждая минута, они выигрывают самое главное – время.

Сотни лет Монастырь расширялся в стороны и вглубь, настала пора воспользоваться предусмотрительностью предков. Если бы нападение произошло ночью, то задача была бы проще – разбудить воспитанниц и сотрудников, после чего организованно отвести их на нижние уровни подземного комплекса. Но, увы, на дворе стояло утро... позднее утро. Большая часть воспитанниц находилась на полигонах и тренировочных площадках; девочкам понадобится немало времени, чтобы вернуться к центру или выдвинуться к Ковчегу, так что им приказали уходить под землю через ближайšie вентиляционные стволы.

Несколько групп в данный момент совершали дальние кроссы и марш-броски, с ними было хуже всего – слишком далеко от входов. Помочь им было невозможно, оставалось надеяться, что они все же успеют добраться до спасительных подземелий, прежде чем с небес на них обрушится смерть.

Особую проблему представляли шесть крупных отрядов спецназовцев и бойцов-дружинников, скрывающихся в северном секторе Главного Полигона в ожидании часа «Ч». Они так его и не дождались, даже хуже – дождались вовсе не того, к чему готовились все эти дни. Тренировки по боевому взаимодействию не помогут отразить воздушный удар, а входов в подземелье в том районе попросту не было. Если повезет, то часть успеет спастись, воспользовавшись несколькими единицами автотранспорта. Вертолеты к ним посылать не стали – они занимались эвакуацией трех групп воспитанниц, находившихся дальше всех. Это было правильно – настоятельница должна прежде всего заботиться о своих девочках, а уж потом обо всех остальных.

Но не все девочки в данный момент находились на территории монастырского комплекса – и они также требовали заботы. Неизвестно, чем все сегодня закончится, но в любом случае противник знает о местных порядках и без особого труда найдет воспитанниц, отпущенных на побывку к родителям. Этому необходимо воспрепятствовать.

² РЛС – радиолокационная станция

В голове настоятельницы промелькнул калейдоскоп десятков вариантов, но в итоге она пришла к выводу, что в этой ситуации доверять нельзя никому. Вся надежда только на людей, неразрывно связанных с Монастырем. Разговаривать об этом с остальными заговорщиками неразумно – наверняка у них только что также появились неожиданные проблемы. Начерно выстроив примитивный план, Мюллер бросилась к компьютеру, на ходу набирая номер телефона.

В этот момент стекла зазвенели серьезнее, едва не вылетев от второго, более близкого разрыва. Щелкнуло реле аварийного источника питания – настоятельница поняла, что электростанция Монастыря уничтожена. Это ее не особо смутило – ведь компьютер будет работать еще десятки минут, а ей для передачи сообщения понадобится не больше пяти. Телефон вежливо сообщил, что абонент находится вне зоны доступа, но и это не выбило суровую женщину из колеи. Оставив трубку в покое, она опустила ладони на клавиатуру, заработала с рекордной скоростью, не обращая внимания на грамматические ошибки – время поджимало. Ей придется отправить через Интернет не только письмо, но и SMS-сообщение. Как только абонент войдет в зону действия ретранслятора сотовой связи или включит телефон, то получит ее послание. Остается надеяться, что все сработает без проблем.

– «Шестой», я «Десятый», воздушная цель движется в южном направлении, покинула объект до начала операции.

– Что за цель?

– Вертолет, идет на эшелоне тысяча семьсот метров. Ждем ваших указаний.

– Перехватить.

– Он в зоне обогатительного завода, подобные действия в этом районе не рекомендуются, там слишком опасный цикл производства, малейшая авария чревата радиоактивным загрязнением местности.

– Понятно. Сопроводите вертолет до выхода из опасной зоны завода, затем перехватите.

– Вас понял.

Расчет зенитной батареи укрывался в крепком бункере. Уничтожение электростанции на его функционировании никак не отразилось – на этот случай здесь был предусмотрен аварийный источник питания. Операторы заметили вторую ракету, но слишком поздно – она успела совершить свое черное дело, оставив Монастырь без электричества. Оставалось дожидаться появления новых, более уязвимых целей.

И они дождались.

– Есть цель! Расстояние двадцать два, высота четыреста, скорость семьсот, идет прямо на нас.

– Работаем!

– Не могу!

– Что за черт?!

– Система опознавания... Блокирован запуск ракет.

Приближающийся самолет нес на борту целый комплекс аппаратуры, в том числе и небольшой блок, именуемый по-разному. Входя в диалоговый режим с аналогичными системами зенитных комплексов, он на простейший электронный вопрос «Ты кто такой?» отвечал лаконично – «Свой». После этого оружие попросту отказывалось стрелять. Коды системы «свой-чужой» являлись одним из самых охраняемых секретов любого государства и сейчас сыграли с зенитчиками Монастыря нехорошую шутку – цель была не враждебной, самой что ни на есть своей, но обстоятельства складывались таким образом, что сегодня не все свои являются своими.

Однако Нельма не зря в свое время служила вместе с Чапаем. Точно неизвестно, заразные ли психические заболевания, но то, что часть его паранойи перешла к ней, сомнений не вызывало. Зенитчики растерялись лишь на несколько мгновений, после чего хладнокровно отключили систему опознавания. С обычной техникой Ордена проделать подобный фокус невозможно, но настоятельница в свое время позаботилась внести некоторые изменения в электронику – сегодня эта предусмотрительность себя окупила.

Ракета пошла к цели.

Для нападавших залпы зенитных комплексов стали неприятной неожиданностью – в их планы это не входило. Согласно им штурмовики за считанные минуты должны были подавить несколько устаревших артиллерийских установок, способных вести огонь по воздушным целям, после чего Монастырь можно было брать голыми руками. Самолеты шли к целям, не скрываясь, на максимальной скорости, без хитроумных маневров, предназначенных для обмана системы ПВО.

Теперь за это придется платить.

Штурмовик успел выпустить две ракеты, наведя их по излучению РЛС зенитного комплекса, после чего поставил помехи и попытался увернуться от атаки с земли, но неудачно – взрыв произошел слишком близко, поражающие элементы исхлестали его правую плоскость, фюзеляж и кабину. Пилот погиб на месте, открыв список жертв нападающей стороны. Неуправляемая машина, не откликаясь на запросы по радиосвязи, вошла в пике и, рухнув на дачный поселок, пропала с экранов радаров.

Зенитчики недолго торжествовали по случаю своей победы – обе ракеты, пущенные с погибшего самолета, угодили в решетчатую антенну локатора, разбросав ее обломки на сотни метров. Расчет, укрытый в бункере, не пострадал, но батарея ослепла, и продолжать бой не могла. В брешь монастырских позиций устремились новые самолеты – у противника их хватало.

Лина любила летать. Все равно на чем – только бы сидеть в кресле пилота, сжимать штурвал и чувствовать, как могучая машина подчиняется малейшим движениям рук. В монастырской жизни немного приятных моментов – девушка очень ими дорожила. Одиночный полет давал ей ни с чем не сравнимое чувство личной свободы и всемогущества. Ее несколько не стесняла необходимость постоянного контроля за управлением, скорее, наоборот. Лина обладала редкой для женщин способностью находить общий язык с любой техникой. Однажды ей даже удалось посадить огромный пассажирский самолет, хотя она управляла им впервые и даже несмотря на то, что он был поврежден.

Но если быть откровенной до конца, то вертолеты создавали для нее наибольшую трудность. Хотя эти машины слушались Лину охотно, но сложные маневры давались ей с трудом, на пределе возможностей. Впрочем, в Монастыре не старались сделать из девушек асов. Хороших пилотов в Ордене и так хватает – воспитанницы не должны переводить свой уникальный талант на работу, с которой может справиться обычный летчик.

Но сегодня умение находить общий язык с техникой Лине изменило – вертолет раскапризничался не на шутку. Через несколько минут после взлета неожиданно обнулится индикатор уровня топлива и лишь на краткие мгновения выдавал реальные показания. Станным образом почти непрерывно дрожал горизонт, будто входя в резонанс с двигателем, что действовало на психику крайне раздражающе. То и дело шутила радиосвязь – взрываясь разноголосицей гражданских станций или обрывками радиотелефонных переговоров, что на этой частоте было невероятно. Лина все более склонялась к мысли, что вертолету нужен капитальный ремонт, а не модификация бортового вооружения.

По идее, капризы топливного индикатора необходимо считать летным происшествием, о чем следует доложить диспетчеру. Его реакцию предвидеть нетрудно – он потребует совершить

посадку на ближайшем аэродроме или даже неподготовленной площадке. Но Лина знала точно – топлива в баках с лихвой хватит на весь путь, кроме того, хотя нули выглядели неприятно, сигнальный светодиод тревожного уровня не включился. Прерывать полет из-за подобной мелочи девушка не хотела. Она уважала инструкции и при необходимости могла выполнять их до последней буквы, но только не в такой ситуации. Настоятельница приказала доставить вертолет на завод, и Лина его доставит.

Хуже всего, что девушка не могла точно определить время. На свои капризничавшие часы надежды мало, а бортовые показывали полную ерунду, очевидно, их настройка сбилась, а она это не проконтролировала перед взлетом. Мелкое, но досадное упущение. Двадцать первый век, ты сидишь за штурвалом грозной боевой машины, способной уничтожить сотни людей и единиц техники, но при этом, как и в доисторическую эпоху, вынуждена узнавать время по солнцу.

Не выдержав, Лина достала телефон, включила без колебаний. Его сигналы теоретически могли создать помехи навигационной системе, но с этим она как-нибудь смирится – здесь не заблудишься. А вот с часами лететь гораздо надежнее, точно зная, сколько остается до цели. Но дожидаться окончания процесса загрузки экрана ей не дали.

Наушники зашипели, реагируя на несущую частоту мощного передатчика монастырского узла связи. Взволнованный женский голос поспешно произнес:

– Ветрова Алина, говорит Зельдина, вы меня слышите?

Лина удивилась столь странному обращению начальницы монастырского узла связи, но молчать не стала:

– Так точно, слышу вас хорошо.

– Ветрова, немедленно садитесь, сейчас...

В наушниках послышался треск, после чего грубый мужской голос, чуть шепелявя, произнес:

– Не... Стас... шесть зубов, прикидываешь?! Шесть зубов! Ну не пиндос ли он? По одному уже не вставить, только мост. А может, все же получится? Ты как...

Вновь затрещало, после чего вновь появился голос Зельдиной:

– ...указаний. Как поняли?

– Вас не поняла! – честно ответила Лина, стараясь не давать лишнюю нагрузку на ларингофоны. – Сильные помехи, повторите!

– Ветрова! – чуть не крикнула женщина. – Немедленно уходи, тебя могут сбить! Поняла?! Немедленно! Бросай вертолет! Это приказ настоятельницы!

Удивленная Лина все еще ничего не понимала и поспешила уточнить:

– Вас не поняла! Пожалуйста, повторите!

В ответ раздался столь могучий треск, что девушка непроизвольно поморщилась. Несколько раз повторив запрос и не получив ответа, она переключилась на запасную частоту, но и там толку не было. Лина не знала, что нападающие наконец задействовали систему глушения радиопередач, сделав это с немалым опозданием из-за несогласованности действий различных подразделений.

Девушка оказалась перед дилеммой: с одной стороны, оставался приказ настоятельницы на перегон вертолета; с другой – начальница узла связи, заявившая, что действует по указанию той же настоятельницы, приказала садиться. Причем подтверждения не было, да и корреспондент ничем не засвидетельствовала, что она Зельдина. Лина плохо знала ее голос, к тому же при таких помехах его очень трудно опознать.

Особенно девушку насторожила угроза перехвата. Вооружение вертолета было частично снято, то, что осталось, не имело боеприпасов – он висел на высоте почти два километра, представляя собой великолепную мишень. На редкость беспомощное состояние. Но если не считать этого, во всем остальном он оставался все той же боевой машиной. Его РЛС не давала круго-

вого обзора, так что Лине пришлось поработать, совершив серию разворотов. После третьего на экране возникла цель.

Девушка сразу поняла, что это не вертолет – слишком велики скорость и высота. Радиус действия ее радара был невелик – цель ушла через полминуты, но анализ траектории выявил ее дугообразный характер; создавалось впечатление, что неустановленная высокоскоростная цель описывала круги возле вертолета. С такой огромной разницей скоростей проделывать подобное нетрудно. Гражданская машина на такое не способна.

Лина поняла, что вокруг нее кружит истребитель.

За окном бешено затарахтела малокалиберная зенитная пушка, заглушив своим стрекотом рев пикирующего штурмовика. В следующий миг ракетный залп накрыл монастырские ворота, сторожку и примыкающую часть парадного плаца. Стекла внесло внутрь, настоятельница инстинктивно втянула голову в плечи, но все обошлось – хрупкие осколки задели только спинку стула. Вновь взглянув на монитор, она поняла, что пора уходить. Нет, компьютер все еще работал, но загрузка страницы оборвалась – на экране красовалось сообщение об отсутствии подключения. Возможно, взрывы повредили кабель или нападающие всерьез взялись за систему связи. Это уже неважно – большую часть задуманного она закончила, хотя, к сожалению, не все, теперь пора позаботиться о собственной безопасности. Жизнь настоятельницы слишком ценна – не стоит множить свои ошибки, подвергая ее лишнему риску.

Поднявшись, Нельма мгновенно скинула пиджак, распахнула стенной шкаф, подхватила с дверной вешалки пуленепробиваемый жилет, накинута на себя привычным жестом, сняла с крючка кобуру с пистолетом, ловко нацепила на ремень. Достав с верхней полки длинный фанерный ящик, примостила его на стол, не обращая внимания на сбитые при этом телефоны. Откинув крышку, вытащила «Тайфун», неосознанным, автоматическим движением утопила кнопку включения, краем глаза зафиксировала сдвоенное зеленое подмигивание контрольного светодиода. Вставляя кассету, услышала, как на крыше вновь заработала зенитная пушка. Настоятельница поспешно повесила оружие на плечо, уже потянулась было к под сумку, уложенному на дне ящика, но взять его не успела: штурмовик, попав под обстрел, в отместку сбросил бомбу.

Стены административного здания были возведены сто тридцать девять лет назад. Строить в те времена умели, но всему есть предел – и авиабомба стояла несколько выше него. Пробив плоскую крышу, она, почти не снизив скорости, пронеслась сквозь два межэтажных перекрытия, ударила в пол первого этажа и, не сумев преодолеть эту преграду, взорвалась.

Настоятельница услышала протяжный трескучий удар, вызванный бомбой, преодолевавшей все препятствия на своем последнем пути. Исполинский грохот взрыва прошел мимо сознания, оставив за собой только острую боль в ушах. Пол под ногами с треском разошелся, накренился. Нельма и так хотела выбираться на первый этаж, но ей и в голову не могло прийти, что она достигнет его настолько коротким путем. Потолки в Монастыре были высокими, ей пришлось пролететь около трех метров. Не успев толком сгруппироваться, она крепко приложилась о массивный письменный стол, разбив при этом бровь. Ей повезло – еще пара сантиметров, и удар пришелся бы об угол компьютерного монитора.

Чихая и кашляя от едкого дыма, настоятельница подхватила соскользнувший с плеча «Тайфун» и бросилась в коридор. Ей даже не пришлось раскрывать дверь – она уже была раскрыта, а если говорить точнее – попросту вышиблена. Почти полностью опустив веки для защиты глаз от мелкой струхи, сыпавшейся сверху, Нельма поспешила к выходу. Здание трещало, где-то что-то с грохотом падало, оседали сокрушенные перекрытия, вызывая исполинские вздохи выдавливаемого воздуха. Зенитка на крыше молчала, но зато временами начинало работать более серьезное орудие – Монастырь продолжал защищаться.

Настоятельница не знала, что им здорово повезло. Нападавшие действовали быстро, их план, несмотря на простоту, зиял многочисленными прорехами. Штурмовики подавили стационарные ракетные батареи ПВО, способные уничтожать высотные цели на огромных дистанциях, однако эти самые цели запаздывали. Тяжелые бомбардировщики, оснащенные крупнокалиберными авиабомбами, были еще слишком далеко, тем самым продлевая жизнь наземным сооружениям – штурмовая авиация израсходовала большую часть боеприпасов на сражение с зенитными расчетами.

Выскочив на улицу, Нельма с наслаждением вдохнула полной грудью. Кисловатый воздух, пропитанный дымом от взрывчатки, показался ей нектаром, что было недалеко от истины – в сравнении с пылегазовой смесью, которой пришлось дышать в здании. Бросив взгляд на монастырские постройки, она поняла, что пока все не так уж плохо – за них еще не взялись всерьез, хотя разрушений хватало. Окна зияли темнотой пустых рам, угол одной из казарм для младших был снесен фугаской, двухметровая воронка дымилась аккуратно посреди плаца, рядом с ней поспешно выруливала самоходная зенитная установка. Настоятельница на миг почувствовала гордость за себя: это была ее личная идея – держать подобное оружие для защиты Монастыря. Орден равнодушно относился к противовоздушной обороне и, насколько ей было известно, таких машин больше не было ни у кого, если не считать полковые зенитные дивизионы российской армии. Теперь эта предусмотрительность себя окупила.

Зенитчики сбили самолет прямо на глазах настоятельницы – как по заказу. Башня чуть развернулась, две спаренные пушки не заработали – запели. Скорострельность немногим не дотягивала до сотни выстрелов в секунду, при этом отдельные выстрелы попросту не различались, сливаясь в один душераздирающий, воющий треск. Штурмовик буквально вывалился из-за крыши учебного корпуса, на ходу рассыпаясь обломками и, вспыхнув огненным шаром, завалился на искалеченное крыло, уйдя за пределы видимости куда-то в сторону пожарного пруда. Спустя мгновение под ногами дрогнула земля, следом, с естественным опозданием, донесся грохот взрыва.

Самоходка опустила орудия, настоятельнице на миг показалось, что машина ведет себя будто живая – ее поведение на удивление напоминало действия собаки, принимающей к запаху, принесенному ветром. Наваждение рассеял неожиданный запуск ракеты, скрывшейся из глаз в одну секунду. С крыльца административного корпуса было невозможно разглядеть – кого она там атакует. Впрочем, радиус действия зенитной установки был немаленьким, не исключено, что до цели несколько километров, радар в этом случае действует гораздо эффективнее человеческих глаз.

Заметив, что в сторону Клетки поодиночке и мелкими группами направляются сотрудницы и воспитанницы, настоятельница поспешила туда же. В подземелья можно спуститься и через административный корпус, но бродить по полуразрушенному зданию было опасно, да и неизвестно, в каком состоянии вход – бомба разорвалась где-то рядом с ним. На полпути вновь заработали скорострельные пушки – но Нельма даже не оглянулась. Она понимала, что зенитчицы неминуемо погибнут – боевая машина притягивала на себя все внимание нападавших. Но при этом она отвлекала авиацию от других занятий, давая возможность спастись опоздавшим.

Из-за угла показалась группа младших. Подростки мчались от самого стрельбища, вид у них был, мягко говоря, не очень. Тяжелая амуниция, автоматы и быстрый бег вымотали всех – даже инструктор дышала как загнанная лошадь. Настоятельница притормозила, продолжив путь обычным шагом – не пристало воспитанницам видеть свою суровую руководительницу драпающей от каких-то несчастных бомб. Да и на спуске не стоит создавать излишнюю толкучку – лестница очень крутая, с частыми, но узкими ступеньками – на ней и в обычные дни не раз ломали ноги, а уж сейчас можно перекалечить полгруппы.

Девочки достигли арки, венчающей лестницу, и в этот момент мир превратился в ад. Даже многоопытная настоятельница не успела ничего понять – все произошло слишком

быстро. В бой вступила вторая волна штурмовиков, принеся с собой полные боекомплекты – под их крыльями замерли гроздя специализированных бетонобойных бомб, доставленных с армейских складов. Это адское оружие, сброшенное с низких высот, било без предупреждающего завывания. Снабженные собственными реактивными ускорителями, они в один миг развивали огромную скорость, позволявшую преодолевать перекрытия железобетонных зданий или достигать уязвимой начинки хорошо защищенных бункеров. Первый же самолет сбросил весь свой груз в направлении задымленного плаца, откуда продолжала огрызаться зенитная самоходка.

Взрывная волна смела настоятельницу как пушинку, отшвырнув на клумбу, зеленеющую в десятке шагов. Оглохшая и ослепшая, она приподнялась на четвереньки, потрясла головой, пытаясь унять фейерверк ослепительных искр, мельтешащий перед глазами. Уши будто набито ватой, откуда-то издалека, приглушенно, доносились величественные раскаты, напоминающие звуки органа, время от времени их разбавлял визг циркулярной пилы и еле слышный быстрый шепот.

С трудом сфокусировав взгляд, настоятельница сплюнула ком травы, загадочным образом попавший ей в рот, нехотя развернулась. Рядом с ней на коленях стояли две младшие, они настойчиво тянули ее куда-то в сторону, но двенадцатилетним девочкам не так просто совладать с тяжелым телом бывшей воительницы. Обе они при этом плакали навзрыд, но Нельма их почти не слышала – ее серьезно оглушило.

Еще раз встряхнув головой, настоятельница начала вставать, но тут вновь дрогнула земля и даже сквозь вату в ушах она расслышала противный хлюпающий звук, с которым осколок авиабомбы оторвал одной из девочек руку вместе с плечом. Перестав тянуть за собой женщину, она покосилась на кровавый фонтан, бьющий из кошмарной раны, удивленно охнула, с какой-то обидой бросила на Нельму короткий взгляд васильково-синих глаз и, тут же их закатив, упала.

Крик второй воспитанницы ощутимо резанул по ушам, и настоятельница поняла, что к ней частично вернулся слух, да и зрение стало функционировать получше. Встав, она подхватила уцелевшую воспитанницу, при этом отчетливо вспомнив, что эту рыженькую веснушчатую девочку зовут Галина Старкова. Это косвенно свидетельствовало, что память, а значит и мозг, функционируют относительно нормально. Оставалось надеяться, что обошлось без контузии.

– Старкова, прекрати орать! Бегом, нам надо уходить!

Подавившись криком, воспитанница умоляюще посмотрела в глаза настоятельнице:

– Таня... Она... она ранена. Ей... ей помочь надо.

– Не надо! – жестко заявила настоятельница. – Ей уже ничем не поможешь. И не вздумай спорить! Вперед!

Бросив взгляд в сторону входа, Нельма скрипнула зубами: спуститься в Клетку было невозможно, серия авиабомб превратила ее в груды битого кирпича и почти до основания разрушила ближайшую казарму. Повсюду валялись изломанные, разорванные тела младших воспитанниц, слишком близко находившихся к спуску в момент взрыва. Груда мяса, еще минуту назад бывшая жизнерадостной, крепкой девочкой, тоскливо подвывая, на одних руках ползла прочь от руин арки, волоча за собой раздробленные ноги, удерживающиеся на обрывках штангин. Даже не раздумывая, настоятельница выхватила пистолет, двумя выстрелами прекратила муки несчастной и только сейчас поняла, что лишилась «Тайфуна».

Искать его было некогда, схватив уцелевшую младшую за руку, она потащила ее в обратную сторону, через плац. Там, на другой его стороне, протягивалась пристройка пищеблока с огромными многоэтажными подвалами, являвшимися частью монастырского подземного комплекса. Из-за густого дыма трудно было определить, насколько велики тамошние разрушения, оставалось надеяться, что спуститься все же удастся. Иначе им долго не протянуть – взрывы

грохотали чуть ли не ежесекундно, в промежутке между ними слышался треск рассыпающихся зданий.

Монастырь погибал.

В дыму показались очертания чего-то непонятного, напоминающего исковерканный бутон розы, горящий тусклым, чадящим пламенем. Вот только размеры этого «бутона» впечатляли. Пройдя еще несколько шагов, настоятельница поняла, что это остатки самоходки. Зенитчицы так и не успели израсходовать боезапас – бетонобойная бомба, легко сокрушив тонкую броню, разорвалась под машиной, инициировав детонацию оставшихся снарядов и ракет. Установку буквально вывернуло наизнанку, плац вокруг был разворочен, перепахан десятком воронок – штурмовик не пожалел смертоносного груза.

Обогнув стороной этот хаос, настоятельница, так и не выпустив руки воспитанницы, добралась до противоположной стороны плаца. Порыв ветра на несколько мгновений проделал обширную прореху в дыму, и она увидела, что в ту же сторону пробираются уцелевшие сотрудницы и воспитанницы. Но это было неважно, самое главное, что пристройка стояла целая и невредимая, гостеприимно темнея распахнутой дверью входа.

За ней, всего в десятке шагов, располагался вход на нижние уровни.

Лина ни на мгновение не поверила, что истребитель описывает круги просто так, из спортивного интереса – слишком уж невероятно подобное совпадение. Да и подсознательно она была готова к неприятностям – стоило ей покинуть монастырские стены, как террористы начали захватывать самолеты, орды демонов устраивали таежное сражение, а доблестная авиация и до этого создавала девушке проблемы, непринужденно вываливая тонны бомб прямо на голову. Короткая статистика выходов девушки в Большой Мир недвусмысленно доказывала, что эти выходы (одна штука) крайне вредное явление как для нее самой, так и для окружающих.

Ну почему ей так не везет?

Вертолет хорошая машина – мощная, маневренная, защищенная броней, скоростная. Но... Всегда есть «но»... Все познается в сравнении – так что на фоне истребителя он был не более чем черепахой. Беременной черепахой, да еще и частично парализованной, с неполным набором конечностей. Уйти от преследования невозможно, а если вспомнить об угрозе перехвата... Тоскливо – машина Ордена не имела даже системы постановки помех в инфракрасном и радиодиапазонах, представляя собой просто замечательную мишень для ракет всех типов. Снизиться с высоты тысяча семьсот метров мгновенно не получится, сомнительно, что истребитель полностью проигнорирует попытку посадки. Непонятно, почему он не атаковал до сих пор и кому вообще понадобилось ее атаковать?

Рация функционировала, но попытки вызова монастырского диспетчера успеха не принесли. Лина знала, что на этой частоте находятся диспетчеры и других учреждений Ордена, но вызывать их не стала. Она попросту не понимала, что будет им говорить. Потеря связи сама по себе выглядит странно, а учитывая последние переговоры, да еще и появление истребителя... Девушка отбросила все сомнения – происходит что-то очень нехорошее. Лететь дальше прежним курсом? Нет, это ущербный вариант, вряд ли ей позволят завершить полет. Рано или поздно беспомощный вертолет будет атакован, кто знает, может, уже сейчас в нее летит ракета?

Женская логика причудлива, Лина все еще пыталась придумать что-то оригинальное, позволяющее разом решить все вопросы, но одновременно при этом начала действовать буквально наобум, наблюдая за собой будто со стороны. Двигатели взревели, машина бросилась вниз, помогая земному притяжению силой своих моторов. Огромные, бешено раскрученные винты действовали сейчас как стабилизирующие гироскопы, пытаясь вернуть вертолет в прежнее положение. Но девушка была неумолима, в зародыше гася все поползновения замедлить спуск. Она не смотрела на показания альтиметра – Лина прекрасно могла определять рассто-

яние до земли на глаз, ориентируясь на видимые размеры узнаваемых предметов. Впрочем, до посадки было еще очень далеко.

Слева показался истребитель – она впервые увидела его воочию, а не на экране бортовой РЛС. Серебряная искорка стремительно увеличивалась в размерах – это уже не навязчивое кружение, самолет атаковал, нагло атаковал. Увы – противопоставить ему было нечего. Лина отчетливо уловила момент запуска ракеты, после чего разглядывать противника стало некогда.

Бросив вертолет на бок, она, едва не прикусив губу от многократной перегрузки, вывернула машину еще дальше, так, что в конце маневра поставила ее практически хвостом к земле. В то же мгновение внизу прогремел взрыв. Поражающие элементы дробью хлестнули по корпусу, приборная панель вспыхнула несколькими тревожными огоньками, но вертолет сохранил управление, правда, подчинялся с некоторой неохотой.

Пробежавшись взглядом по индикаторам, Лина поняла, что повреждена гидравлическая система и машина теряет свою кровь – масло. Две-три минуты, и она перестанет слушаться управления, у девушки попросту не хватит сил, чтобы выжать штурвал. Вертолет придется покинуть, причем желательнее побыстрее – противник может продолжить обстрел в любой момент. Одно удачное попадание, и все, никакая броня не спасет.

Выровняв машину, Лина суетливо отстегнула ремни, приковывающие ее к креслу. Этот вертолет был крайне неудобен для спасения в аварийной ситуации. Да и вылет был не боевой – девушка даже парашют не надела. Впрочем, он был под рукой, оставалось только его надеть, чем она и занялась в самых неподходящих для этого условиях – узком пространстве между спинкой сиденья и приборной панелью, при этом полностью забросив управление машиной.

Лина не знала, что истребитель идет на второй заход. Пилот отчетливо видел, что вертолет остался на ходу и продолжает спуск, оставляя за собой грязноватый шлейф хлещущего топлива или масла. Да и поведение машины несколько странное – она движется как-то дергано, слепо. Возможно, пострадал пилот или барахлит система управления. Что бы там ни было, не стоит переводить вторую ракету. Гораздо интереснее будет добить подранка из пушки – в упор. Отпора можно не бояться – отлично видно, что вооружения на подвесках нет, а встроенная вертолетная артиллерия не приспособлена для воздушного боя. Да и что он сможет сделать в таком состоянии против скоростного хищника? Ничего.

Пилот заблуждался.

Лина только-только успела надеть парашют, как заработала авиационная пушка. Мало-подвижный вертолет представлял собой великолепную мишень – промахнуться было невозможно.

И пилот не промахнулся.

Лина вскрикнула, когда снаряды ударили в хвостовую часть машины. Приборная панель вспыхнула россыпью красных огней, в салоне загремело, что-то с недюжинной силой ударило в бронеспинку кресла, над ухом просвистел осколок, с треском впившись в стекло, разукрасив его паутиной трещин. В тот же миг девушка отстрелила несущие винты.

Пилот погиб мгновенно – пикирующий истребитель невозможно было отвернуть столь быстро, да он и не успел заметить предсмертного маневра искалеченного вертолета. Лопасть угодила прямоком в фонарь кабины, пронзив бронестекло как масло, что неудивительно на таких скоростях, а разрезать тело летчика и вовсе оказалось левой задачей. Самолет проткнуло почти насквозь, будто насадив на гигантский шампур. Где-то посередине этого странного шашлыка скрывался ком сырого мяса, еще мгновение назад бывший живым человеком. Впрочем, сырым он оставался недолго – остальные лопасти искалечили плоскости, пробив топливные баки. Лавина хлынувшего горячего воспламенилась от раскаленных деталей двигателя, пикирующий истребитель, составлявший теперь одно целое с вертолетным винтом, превратился в пылающий болид.

Ничего этого Лина не видела – ей сейчас было не до разглядывания окрестностей. Отстрелив винты, способные растерзать ее тело в воздухе, она покинула гибнущую машину, рыбкой уйдя к земле. Девушка не знала, что ее противник уничтожен, она не смотрела вверх или по сторонам, а истребитель упал в двух километрах, так что заметить это было нелегко. Она опасалась, что пилот ее заметит и попытается добить. С раскрытым парашютом она будет слишком уязвима, так что надо постараться раскрыть купол как можно ближе к земле. Это рискованно, да и неприятно испытывать столь сильный рывок, однако придется с этим смириться.

Разглядев расстилающийся ниже пейзаж, она поняла, что падает в лес неподалеку от излучины маленькой речки. Если приземление будет удачным, она легко спрячется от самолета под кронами деревьев. На дворе сентябрь, они еще не сбросили листву и представляли собой отличное укрытие. На ее глазах вспыхнул вертолет, умудрившийся обогнать свою летчицу на несколько сотен метров. С растерзанным хвостом, лишившийся своих винтов, он сейчас напоминал горящую копну сена, странным образом попавшую на небеса. Несмотря на сложность ситуации, Лина ощутила болезненный укол – она не смогла доставить машину на завод.

Воспитанница не выполнила приказ настоятельницы.

Но настоятельнице сейчас было не до контроля за выполнением своих приказов – она попросту спасала свою жизнь, да еще и прихватив с собой младшую, окончательно ошалевшую от того, что ей сегодня пришлось увидеть. Нельма на такие картины почти не реагировала, более того, один раз даже испытала противоестественную радость от жуткого зрелища. Штурмовик, израсходовавший свои бомбы и ракеты, ударил по земле из пушки, причем удачно – несколько тридцатимиллиметровых снарядов угодило в скопище людей, рвущихся в узкую дверь черного хода. Этот момент как раз и обрадовал женщину – дорога освободилась.

Оглушенная настоятельница, спотыкаясь, прошагала по ключьям человеческих тел, затащила воспитанницу внутрь, толкнула вперед, в направлении манящей темноты входа в подвал:

– Старкова, беги вниз!

– А вы? – вскинулась девочка.

– Я кому сказала?! – злобно взревела Нельма. – Бегом!

Всхлипывающая воспитанница бросилась вперед. Настоятельница не могла сейчас двигаться с такой быстротой – приключения последних минут не прошли даром. Помимо дурноты и головокружения ей здорово мешал идти перекосившийся протез на правой ноге, очевидно, не выдержало крепление, а поправлять его некогда.

На спуске ей пришлось еще хуже – идти по ступенькам было невероятно трудно, настоятельнице пришлось повернуться боком, семеня походкой краба. Дополнительное неудобство доставляла темнота. К счастью, Нельма отлично ориентировалась в любых закоулках Монастыря, вот и сейчас, преодолев последнюю ступеньку, она безошибочно развернулась влево, и, ощупывая стену, направилась в сторону невидимой двери, скрывавшей вход на нижний уровень. На третьем шаге ей в бедро уткнулось что-то мягкое, подрагивающее.

– Кто здесь? – насторожилась настоятельница.

В ответ послышалась серия всхлипываний и неуверенный, испуганный голосок:

– Галя.

– Старкова?

– Да.

– Ты что здесь делаешь?

– Сижу.

– Логично, – констатировала настоятельница и, ухватив воспитанницу за руку, потащила за собой. – Старкова, прекрати сопли даром переводить! Сейчас... сейчас мы найдем дверь и спустимся. Внизу нас не достанут, у них кишка тонка нас там достать. Сейчас...

Дверь никуда не делась, вот только пришлось немного повозиться, нащупывая слишком низкую ручку. Здешняя лестница была старинная, винтовая. Настоятельница пристроилась идти впритирку с внешней стеной – геометрия спуска привела к тому, что ступеньки здесь были гораздо шире, а это немаловажно при ходьбе с поврежденным протезом. Попытка оттолкнуться от себя воспитанницу, заставив ее уйти вперед, успеха не принесла. Девочка вцепилась в женскую руку будто клещами и без конца всхлипывала, терзая себя в почти молчаливой истерике. Нельма решила было отвесить ей парочку хороших пощечин, но передумала. Сейчас некогда отвлекаться – идет самостоятельно, ну и ладно. Еще полминуты, и они достигнут радиального коридора второго уровня, там будет полегче.

Но лимит везения вышел – времени им не дали.

Несогласованность действий различных подразделений привела к опозданию основных сил противника. Но они все же подошли. Тяжелые бомбардировщики сбросили свой груз на пылающие развалины, еще недавно бывшие учебными корпусами, казармами и хозяйственными постройками. Крупнокалиберная бомба, словно бумагу, пронзила крышу и пол пристройки, три метра плотного грунта и каменный свод подвала. Сокрушив стеллаж, уставленный банками с клюквенным морсом, она зарылась в землю до самого кончика хвостового стабилизатора, и лишь после этого сработал детонатор.

Если бы это случилось минуту назад, женщина и девочка погибли бы легко и безболезненно – воистину мгновенно. Однако за эту минуту они успели найти вход и спуститься почти до подножия лестницы. Но бомба была немаленькая, взрыв получился настолько мощным, что легко смел все подвальные перегородки, поднял в воздух свод с фундаментом пристройки и уничтожил верхнюю часть винтовой лестницы, обрушив вниз лавину обломков.

Настоятельница, почувствовав, как под ногами вздыбились ступени, инстинктивно прижала девочку к себе, прежде чем ее сбilo с ног, швырнув вниз, к выходу в радиальный коридор. Но Нельма этого не увидела – она еще в полете потеряла сознание, зацепившись головой о сокрушаемую дубовую балку, выдавливаемую силой взрыва.

Она не знала, что пилоты сбрасывали тяжелые фугаски не просто так, а по заранее намеченным целям. Монастырь умел хранить свои секреты, и полного плана подземелий у противника не было. Однако специалистам несложно сделать прогноз на основании косвенных данных и обрывочной информации. Нетрудно было догадаться, куда бросятся воспитанницы и сотрудницы, поэтому основной удар тяжелая авиация постаралась нанести по нижним уровням. В двадцатом веке даже закопавшись на десять метров вглубь и оградив себя метровым бетонным коконом, ты не защитишь себя от мощи современного оружия.

Первый, наземный уровень Монастыря уничтожило практически полностью, второй тоже существенно пострадал, превратившись в мозаику уцелевших помещений, отрезанных друг от друга. Особо удачные попадания вызвали обвалы и на третьем уровне, одна двухтонная фугаска устроила тридцатиметровый завал в одном из главнейших коридоров, похоронив под ним передовую группу воспитанниц и сотрудниц.

Этот коридор вел к Ковчегу.

Глава 5

Истребитель так и не появился, так что приземление Лины прошло практически спокойно, если не считать того, что купол парашюта зацепил макушку ясеня и лег на его крону. Снять его без долгого труда не было ни малейшей возможности, счастье, что не пришлось болтаться над землей, освобождаясь от лямок. Избавившись от спасательной сбруи, девушка стремглав бросилась в сторону реки, где еще сверху приметила густой кустарник, способный прикрыть ее от взглядов с небес.

Спрятавшись, она терпеливо досчитала до ста, но ничего не произошло. Светило солнце, весело щебетали птицы – гудения авиационных двигателей слышно не было. Впрочем, с севера иногда доносился шум машин, но обычных – наземных, примерно в километре там проходила дорога, Лина тоже успела это заприметить перед приземлением.

Раз самолет не появился за две минуты, выходит, он не спешит ее добывать. Парашют отлично просматривался на желтовато-зеленом фоне осеннего леса, засечь его с воздуха левое дело. Или противник затаил злобу только на вертолет, не имея претензий к пилоту, или истребитель полетел по своим делам, к примеру, сбить кого-нибудь еще. А может, у него кончается горючее или нет боеприпасов – причин может быть множество, нечего озадачивать себя подобными рассуждениями.

Присев, Лина обхватила голову руками, при этом едва не закрипев зубами. У нее пошел откат после перенесенного кошмара – только сейчас она смогла себе признаться в очевидном. Когда истребитель разворачивался после первого захода, девушка краем глаза успела рассмотреть его правую плоскость и хвостовой стабилизатор, но в тот момент ей было не до осмысления полученной информации. Осознание того, что вертолет был атакован самолетом Ордена, серьезно пошатнуло ее мировоззрение. Это было не просто невозможно, нет... Невозможно достать звезду с неба, а это... Это попросту ужасно. И самое страшное – полная неизвестность. Никто не спешил объяснять воспитаннице, что произошло. И неизвестно, получит ли она ответ когда-нибудь, не оборвется ли ее жизнь через минуту, перечеркнутая очередью авиационной пушки.

Но Лина не была бы лучшей выпускницей, если б смогла долго терзать себя подобными размышлениями – в Монастыре не держат рефлексировующих истеричек. Кое-как взяв себя в руки, она наскоро сформулировала перечень вставших перед ней проблем. Все они разрешались элементарно – достаточно сделать один телефонный звонок. Но что-то ей подсказывало – не все так просто, вряд ли ситуация разрешится с такой легкостью. Впрочем, узнать это можно за одну минуту.

Сумка погибла вместе с вертолетом, но телефон не разделил ее судьбу – он был в кармане. Более того, его даже не пришлось включать – Лина сделала это еще в воздухе, перед катастрофой. Взглянув на дисплей, она убедилась, что связь здесь есть – трубка самостоятельно подключилась к гражданской сети. Борясь с дрожью в руках, девушка вызвала настоятельницу, после чего получила стандартный ответ о временной недоступности абонента. Уже гораздо увереннее попробовала связаться с дежуркой Монастыря – там стоял стационарный телефон. Вместо гудков женский голос затараторил одну и ту же фразу: «Номер поврежден по кабелю». Набрав номер Вики, Лина уже не удивилась, услышав, что она тоже недоступна. Но девушка на этом не успокоилась – один за другим перебрала все известные монастырские номера. Заподозрив шалости компании сотовой связи, она набрала номер диспетчера Хабаровского филиала, и, убедившись, что он ответил после первого же гудка, оборвала соединение.

Было о чем задуматься. Как она и предполагала, легким путем решить все проблемы не удалось – придется решать трудным. Но с чего начинать, Лина пока не представляла. Из раздумий ее вывел короткий зуммер телефона, вовсе не похожий на обычный звонок. Удив-

ленная девушка взглянула на дисплей, где красовалось оповещение о получении SMS-сообщения. Номера абонента не было, если не считать группы цифр слишком короткой для того, чтобы быть телефонным номером. Познания Лины в сотовой телефонии были невелики – что это означает, она не поняла. Однако текст сообщения своей загадочностью и драматичностью заставил позабыть об этой несообразности: «Алина, брось вертолет. Зайди на сайт, там все прочтешь. Бойся Ордена, никому не доверяй. Нельма».

Из всего сообщения Лина поняла только то, что происшествие с вертолетом было не случайным. Слова «бойся Ордена» заставили поежиться, вспомнить разлапистый крошечный язычок пламени, украшавший самые кончики крыльев и хвостовых стабилизаторов истребителя. Точно такая же эмблема краснела на дверце погибшего вертолета. Впрочем, размышлять некогда – девушка только что получила приказ настоятельницы. Правда, не исключено, что сообщение отправила вовсе не Нельма, но в данной ситуации об этом лучше не думать. В любом случае от нее не требовали взорвать атомную электростанцию или убить Папу Римского. Все элементарно – надо просто зайти на сайт, причем сделать это без посторонней помощи, на что указывали слова «никому не доверяй».

Что за сайт, Лина поняла сразу – это наверняка линия связи, выделенная ей настоятельницей месяц назад. Нельма не объяснила, зачем это надо, просто обмолвилась, что таким образом передавать сообщения гораздо надежнее. Значит, с сайтом все ясно.

Дело оставалось за Интернетом. Компьютерная грамотность воспитанниц была невысока – в период обучения им не разрешали свободно бродить по Всемирной Паутине. Доступно было всего несколько новостных и общеобразовательных сайтов, но этого вполне хватало для получения навыков работы с Сетью.

Однако с таким опытом девушки уступали большинству учеников средних школ. Лина была уверена, что для посещения сайта ей понадобится компьютер, модем, телефонная линия и оплата каким-то загадочным провайдером. Из этих четырех пунктов она могла легко решить первые два – деньги и документы были в карманах, с ними без помех можно приобрести что угодно в магазинах. Далее нужен телефон и услуги провайдера. С телефоном сложнее, но, в принципе, получить к нему доступ можно. А продавцы наверняка знают, как найти этих самых провайдеров. В общем, хватит сидеть под кустом испуганной зайчихой – надо действовать.

Встав, Лина стряхнула с брюк приставшие стебли подсохшей травы, критически осмотрела свое одеяние. К счастью, при полете на вертолете специальная амуниция не нужна, так что она не походила на пилота, пережившего гибель своей воздушной машины. Но и на стандартную девушку походила мало – они не носят камуфляжные брюки и безрукавки той же воензированной расцветки. Темно-синяя майка выбивалась из этого ансамбля, но в целом не слишком улучшала ее облик. Впрочем, делать нечего – будь она даже в боевом скафандре или вовсе голой, приказ получен, его надо выполнять. Остается надеяться, что достаточно выбросить шлем, и никто ни о чем не догадается.

Выйдя из зарослей, Лина направилась на север, навстречу отдаленным шумам автомобильных двигателей.

Тяжелая авиация ушла, сбросив свой смертоносный груз. Над дымящимся пустырем, который еще час назад был надземным монастырским комплексом, появились вертолеты. Хищно избородив все воздушное пространство и не обнаружив никаких признаков жизни, они направились в сторону полигона, где можно было рассчитывать хоть на какую-то добычу.

Так и оказалось – один из вертолетов наткнулся на маленькую группу воспитанниц, чудом уцелевшую после атаки штурмовика. Инструктор при этом погибла, многие были ранены. Уцелевшие вполне могли успеть добраться до входа в подземелье, но они понесли пострадавших подруг на себе. Законы войны просты и несправедливы – это была роковая ошибка. Не соверши они ее, некоторые смогли бы спастись. Боевая машина накрыла их залпом

неуправляемых ракет, после чего несколько минут барражировала вокруг, выискивая малейшие признаки жизни.

Второму вертолету не повезло. Он тоже наткнулся на группу уцелевших, но это были не подростки, а почти полтора десятка спецназовцев, чудом выживших после удара по северному сектору полигона. Заслышав рокот двигателей и понимая, что на открытой местности им не спрятаться, бойцы не стали впадать в отчаяние – для них это не свойственно. Деловито рассредоточившись и заняв мало-мальски подходящие укрытия, они встретили летающую машину густым огнем.

Вертолет был бронированным, но увы, до танка ему очень далеко. Четырнадцать «Тайфунов» за одну секунду выпускали более двухсот двенадцатимиллиметровых реактивных пуль, с легкостью пробивавших шейку рельса. Стрелять бойцы умели и, хотя не изучали борьбу с воздушными целями и путались с определением упреждения, но все же при такой плотности огня статистика работала в их пользу. Пилот погиб мгновенно, стрелку оторвало ногу, следом воспламенилось горючее, вытекавшее из пробитого бака.

Спецназовцы недолго праздновали победу, через минуту подошли сразу две машины, издав издав перепав их позиции ракетами. «Тайфуны» на такой дистанции были почти бесполезны и навредить агрессорам не смогли. Больше вертолеты никого не встретили, хотя уходить не стали, продолжали вести дежурство в воздушном пространстве района.

Изучив доклады экипажей, в штабе операции сделали предварительные выводы. Если сформулировать их кратко, то хватит всего двух слов – Монастырь уничтожен. Простояв четыреста сорок лет, он погиб всего за час.

Однако победу праздновать было преждевременно. Монастырь силен не своими вековыми стенами, а людьми. Он жив до тех пор, пока уцелела хотя бы одна воспитанница или сотрудница. Именно это предстояло сейчас установить. В штабе продолжала кипеть лихорадочная работа: анализировались доклады пилотов, данные воздушной и космической разведки, перехваченные радиопереговоры. Полученная информация систематизировалась и предъявлялась в очищенном виде молчаливому мужчине, внимательно следящему за штабной суетой. К одиннадцати часам Ланс сделал вывод о частичном провале операции.

Покончить с Монастырем одним ударом не получилось.

Открыв глаза, настоятельница первым делом подумала, что ослепла. Среднестатистический человек может за всю жизнь ни разу не оказаться в полной темноте. В самую безлунную ночь все равно мерцают звезды или сверкают далекие отблески городских огней, чернильно-черную мглу можно увидеть, только закрывшись в погребке или другом помещении без окон и малейших щелей. Впрочем, через миг Нельма едва не зажмурилась от приступа острой головной боли и тут же увидела россыпь мельтешащих искр. Впрочем, к настоящим искрам они не имели отношения – просто результат потери сознания. Как ни странно, женщина сразу же вспомнила, где находится и как сюда попала.

Прислушавшись, настоятельница поняла, что рядом кто-то приглушенно поскуливает, будто обиженный щенок, забравшийся под подушку. Облизнув стянутые губы, она тихо поинтересовалась:

– Старкова?

Скулеж мгновенно прекратился. и неуверенный голосок с надеждой спросил:

– Вы живы?

– Частично, – призналась настоятельница и добавила: – Я долго была без сознания?

– Не знаю. Мы тут уже целую вечность. Я думала, что вы умерли.

– Старкова, рано ты меня хоронишь, – усмехнулась настоятельница. – Я сама еще трижды успею тебя до могилы довести.

– Что случилось? Что это было?

Ничего на это не ответив, настоятельница спросила:

– Бомбежка закончилась?

– Наверное, – неуверенно ответила девочка. – Земля уже давно не дрожит, и грохот не слышен.

Настоятельница не стала говорить, что грохот не будет слышен, если их надежно запечатало у подножия лестницы. Не стоило лишний раз пугать воспитанницу. Вытянув руки, она не удивилась, нащупав над собой холодный камень обрушившейся стены. Нельме не приходилось бывать под завалами, но она была из тех людей, что не теряются в любой обстановке. Вот и сейчас, осторожно, не делая лишних движений, женщина на ощупь определила, что лежит под двумя кусками кирпичных плит, сложившихся наподобие карточного домика. Попытка пошевелить ногами удалась только наполовину: левая послушалась, с правой дело обстояло сложнее – механическую ступню что-то цепко держало.

Не став торопиться с ее освобождением, настоятельница вытащила из кармана телефон, предупредила воспитанницу:

– Старкова, побереги глаза. Сейчас я устрою немного света, с непривычки может не понравиться.

– У вас есть фонарик? – обрадовалась девочка.

– Нет, у меня глаза в темноте светятся, – съязвила настоятельница и нажала кнопку.

Дисплей послушно вспыхнул, осветив маленький мирок завала. Мощность излучения дисплея была невелика, так что настоятельница зря опасалась – зажмуриваться не пришлось. Первым делом женщина удивилась тому, что не чувствует особых неудобств, лежа на груде битых кирпичей. Инстинктивно дернувшись, она поняла причину этого явления – спина просто пребывала в хрупком статическом равновесии с изуверским ложем и при этом движении вспыхнула болью сразу в сотне мест. Если бы не легкий бронежилет, она бы наверняка заработала множество грязных ран. Не сдержавшись, Нельма простонала, что вызвало немедленную реакцию воспитанницы:

– Что с вами?

– Чайник на плите забыла, – скрипя зубами, отозвалась настоятельница. – Только сейчас вспомнила.

– Какой чайник? – растерялась девочка.

– Мельхиоровый, с дарственной надписью от командования.

– Что? – с искренним изумлением спросила воспитанница.

– Старкова, заткнись, – чуть ли не умоляюще произнесла настоятельница, сдерживаясь от желания дико заорать: затекшие мышцы спины оживали с невыносимой болью, будто закручиваясь в узлы.

Терпеть эту муку не было никакой возможности, Нельма приподнялась, уперлась в свод головой, принялась изучать обстановку, только чтобы хоть как-то отвлечься от этой мучительной боли. Первым делом она рассмотрела девочку: та испуганно поблескивала глазенками, сидя чуть ли не на ногах настоятельница. Кстати о ногах: протез засел крепко – его на совесть припечатало переплетением арматуры из разорванной плиты. Беглый осмотр показал, что спастись им удалось чудом – если бы они не успели преодолеть лестницу, то сейчас лежали бы под тоннами обломков ступеней, напрочь запечатавших ход вверх. В слабом свете настоятельница увидела, что у правого бедра проглядывается каменная кладка – это немного успокаивало. Она знала, что лестница была облицована армированным кирпичом, но вот арки, венчающие выходы в радиальные коридоры, по традиции сооружались из тесаных камней. Учитывая, что они проглядывали из россыпи мелких обломков, можно надеяться, что удастся пробраться в подземный комплекс.

Дисплей погас, проработав положенное время. Зажигать его снова настоятельница не стала, кто знает, на сколько еще хватит батареи, лучше экономить, ведь другого источника

освещения у них нет. Не будучи заядлой курильщицей, она не носила с собой спички и зажигалки. Кроме того, публичное курение было запрещено для всех сотрудниц – исключение Нельма не делала даже для себя.

Дождавшись, когда прилив крови перестанет терзать ее затекшие мышцы, она произнесла:

– Старкова, я сейчас дам тебе телефон, будешь светить мне на ноги. Поняла?

– Да. А что у вас с ногами?

– Депиляцию хочу сделать, – устало пошутила настоятельница и нажала на кнопку.

В тусклом свете дисплея она быстро расстегнула крепления искусственной стопы, вытащила голень из протеза. Воспитанница тут же вскрикнула, решив, что женщина осталась без ноги, опустила руку с зажатым телефоном.

– Я тебе что сказала?! – вскинулась настоятельница. – Кто тебе разрешил руками махать? Комаров отгоняешь? Свети давай!

– Но... но это ваша нога!

– Старкова, я и без тебя знаю, что это моя нога. Твое дело светить, а не называть предметы своими именами.

Оценив положение искусственной ступни, Нельма постепенно ее распатала и вытащила из арматурного капкана. Бегло осмотрев протез и оценив его состояние как удовлетворительное, она нацепила его на культю, и только при этом поняла, что крепление повреждено. Ходить можно, но это будет походка инвалида. А ведь во всем Монастыре лишь несколько человек знали, что настоятельница калека. Впрочем, сейчас не до красивой походки.

Разобравшись с ногой, Нельма подробно осмотрела выступающий кусок каменной кладки, убедилась, что предварительные выводы были верными – это действительно часть арки. Не оборачиваясь, она произнесла:

– Старкова, посвети мне на руки. Я попытаюсь расчистить выход в радиальный коридор, до него не больше метра. Когда телефон погаснет, сразу его не включай. Мысленно сосчитай до тридцати, только потом жми на кнопку. Батарея не бесконечная, надолго ее не хватит.

– Может... позвонить? – неуверенно предложила воспитанница. – Вызвать помощь?

– Старкова, ты настолько тупая, что я даже немного завидую твоей тупости. Тебе наверняка жизнь кажется очень легкой и понятной. В наше время даже обезьяны знают, что связь под землей не работает.

Чуть помедлив, настоятельница еле слышно добавила:

– Да и некому нам звонить.

Дорога показалась через двадцать минут – узкое шоссе с некачественным асфальтовым покрытием. Лина немного посидела в кустах, убедившись, что все спокойно. Машины проезжали частенько, в обе стороны. Учитывая, что она не знала местную географию, особой разницы в том, куда податься, девушка не видела.

Покинув укрытие, она вышла на обочину, огляделась по сторонам. Метрах в пятидесяти левее обнаружилась боковая дорога. Если покрытие основной было просто некачественным, то на этой вообще присутствовало фрагментарно. Уцелевшие реликты асфальта только ухудшали ситуацию – создавалось впечатление, что их уложили умышленно, для усложнения рельефа, с целью создания дополнительных препятствий гусеничной технике. Про то, как там ездит колесная, страшно было подумать.

Но Лину не заинтересовало качество дорожного покрытия – ее привлек синий указатель, стоящий на перекрестке. Память на географические названия у девушки была отличная, не исключено, что, прочитав название близлежащего населенного пункта, она определит свое местонахождение.

Решительно направившись в сторону указателя, по мере приближения рассмотрела, что на обочине возле него трава вытоптана до голой земли, что свидетельствовало о частом и длительном пребывании на этом пятачке людей. Просто так никто у дороги маячить не станет, скорее всего, здесь ожидают общественный транспорт. Лина приободрилась, ведь она как раз размышляла над тем, как бы ей добраться до крупного населенного пункта, где наверняка есть Интернет. Таким образом, одна из проблем отпадала.

Увы, определить название населенного пункта было невозможно. Какие-то шутники полностью закрасили буквы желтовато-серой краской, а поверх нее небрежно вывели странное слово – «Трахучилище». Подобные топонимы Лина еще ни разу не встречала, да и детали надписи свидетельствовали о ее непрофессиональном характере – судя по всему, это проделки скучающих подростков. Других указателей поблизости не было, как и признаков жилья, так что сориентироваться не получалось. Не особо огорчившись, Лина встала посреди вытоптанного пятачка и обернулась на басовитый гул подъезжающей машины.

К сожалению это оказался не автобус, а грузовик. Однако шофер, разглядывая Лину, даже приподнялся над сиденьем, после чего ровный гул сменился на рокот – машина остановилась так ловко, что кабина оказалась точнехонько напротив девушки. Дверца почти мгновенно распахнулась, упитанный мужчина со смешной, какой-то козлиной бородкой, свесившись, пару мгновений буравил Лину насмешливо-оценивающим взглядом, после чего весело произнес:

– Привет ткачихам! Никак в город намылилась?

При слове «город» Лина мгновенно представила крупный населенный пункт с сетью Интернет и согласно кивнула. Водитель ухмыльнулся и, назидательно помахав ладонью с вытянутым указательным пальцем, заявил:

– А время-то раннее, занятия поди идут полным ходом. А?

Что на это ответить, Лина не представляла и растерянно заморгала. Мужчина тут же рассмеялся и, качая головой, проговорил:

– Ну ты, ткачиха, и даешь! Вид у тебя, будто с вертолета упала.

– Откуда вы знаете? – вскинулась Лина.

– Что знаю? – не понял водитель.

– Что я с вертолета упала?

Мужчина аж согнулся от нового приступа смеха:

– Ну ткачиха! Ну ты и даешь! С юмором значит?! Это хорошо, мне веселые нравятся! Ну что, поехали?

Лина знала, что грузовой транспорт не используется для перевозки пассажиров, и предложение застало ее врасплох. Прочитав в ее глазах недоумение, водитель истолковал его по-своему и добавил:

– Ты что, прямо тут расплачиваться собралась? Не гони лошадей. Сейчас по пути в Сральню заскочим, там бензорез надо забрать. Это не ждет, хозяин свалит скоро, я его уже третий день вылавливаю. Ну что уставилась? Присаживайся!

Мужчина приглашающе хлопнул по пассажирскому сиденью:

– Потом расплатишься, так даже веселее будет. Все будет как в сказке, начнем со знакомства. Романтика дороги.

Слово «расплата» напомнила Лине о том, что деньги у нее есть. Правда, по монастырскому обыкновению, их выдали крупными купюрами. Но спрашивать водителя о размерах оплаты или наличии сдачи она не стала. Уточнять, почему веселее будет расплачиваться «потом», тоже постеснялась. Девушка понимала, что подобными вопросами выдаст с головой свое слабое знакомство с реальным миром, – в ее положении лучше всего говорить как можно меньше. В данный момент она лихорадочно пыталась вспомнить, где расположен населенный пункт под странным названием Сральня. Слово было знакомое – так некоторые воспитанницы

называли монастырские уборные. Однако не вызывало ни малейшего сомнения, что водитель имел в виду вполне конкретное географическое место.

Но пребывать в раздумьях девушке не дали. Едва машина тронулась, водитель как-то буднично, явно говоря о привычных, обыденных вещах, поинтересовался:

– Ты в город по делу или чисто в удовольствие пупок потерять?

Лина не представляла, зачем надо ехать в город для столь непонятного занятия, как трение пупка, и решила, что водитель сказал это в шутку, после чего ответила:

– По делу.

Шофер присвистнул, а затем хохотнул:

– Знаем мы ваши дела! Ну ты даешь! Ты бы еще в рабочем халате на съем поехала. Или там переоденешься?

Придумать внятный ответ Лина не успела, так как водитель задал новый вопрос:

– Ты под Сухим, или у Соски?

Тут уж девушка и вовсе растерялась – складывалось впечатление, что шофер разговаривает на иностранном языке. Превратно истолковав ее замешательство, он покачал головой:

– Сама, что ли? Ну и дура! Выщемят тебе, если уже не выщемили. Хорошо, если так, на включенной дуре проскочишь. Сухой, как бы его ни хаяли, меру знает, а вот Соска тебя нехило поправит, она безбашенная.

Внезапно, бросив баранку, он двумя руками хлопнул себя по лбу:

– Твою мать! Я торможу, как трактор якорем! Такой ляльке, как ты, у них делать нечего. Там не девки – крокодилы в гуталине! Значит, чисто спонсора себе нашла? А?

Понимая, что отрицательный ответ обрушит на нее очередную гору непонятной информации, Лина утвердительно кивнула. Водитель причмокнул, явно возгордившись своей проныцательностью, и как-то снисходительно поинтересовался:

– И что это за спонсор, раз учиться продолжаешь? По специальности работать ты не пойдешь, это козе понятно, так на хрена? Чисто из-за аттестата? Ну и дура. В вечернюю устройся, туда вообще можно не ходить, чисто договориться и платить сколько надо. Дело копейное, это тебе не институт. Не, бросать тебе надо это дело и цепляться в мужика двумя руками. Станок у тебя точеный, все на месте, не то что у остальных ваших клуш. На хрен тебе там пропадать?

Ловко действуя одной рукой, он достал сигарету, прикурил. По кабине поползли клубы удушливого дыма. Не привыкшая к подобной атмосфере девушка рефлекторно потянулась к рукоятке опускания стекла, но водитель, заметив ее движение, тут же прикрикнул:

– Стоять! Ты чё, совсем страх потеряла? К Сральне подъезжаем, тут духман такой, что мухи плачут. Или вы там у себя привыкли к аромату Сочи? Как вы вообще живете, когда ветер с этой стороны?

Выставив сигарету наподобие указки, водитель заявил:

– Это же сколько срать надо, чтобы такую махину наполнить. Сразу видно – большой город работает.

Взглянув в указанном направлении, Лина увидела большую, далеко тянущуюся дамбу. А, почувствовав крайне неприятный запах, просачивающийся в кабину, поняла, что это очистительные сооружения городской канализационной сети. Таким образом, загадка со странным названием населенного пункта была решена. Это вовсе не деревня и не поселок, а та же уборная, только более грандиозная.

Водитель уверенно повернул в гостеприимно распахнутые ворота, притормозил возле длинного, обветшалого здания технического назначения. На шум открылась перекошенная дверь, явив дневному свету неряшливого мужика с настолько красным носом, что Лина не удивилась, если бы оказалось, что от него можно прикуривать. Шофер, распахнув дверь, страдальчески охнул – концентрация вони была такой, что еще немного, и ее можно будет наре-

зять кусками. Впрочем, его поведение было явно наигранным, так как в следующий момент он торжественно поприветствовал красноносого:

– Привет передовикам-ассенизаторам!

Тот поднял голову, тускло сверкнул мутными, болезненно-грустными глазами и выдал столь ругательную тираду, что за любое из произнесенных слов монастырскую воспитанницу на полгода вперед обеспечили бы ежедневной чисткой десятка унитазов. Водитель ничуть не обиделся, очевидно, подобные приветствия здесь были в порядке вещей. Обернувшись к пассажирке, он заявил:

– Посиди пока. Не скучай, радио послушай.

Лина только кивнула. В данный момент она с ностальгией вспоминала атмосферу кабины, загаженную табачным дымом. Все познается в сравнении – сейчас она старалась дышать через раз. Впрочем, совет водителя не прошел мимо ушей.

Радио взорвалось какофонией душераздирающих звуков. Девушка не удивилась – она уже сталкивалась с современной эстрадой и поняла, что слышит то, что в Большом Мире принято называть песней. Истошные завывания, даже не пытающиеся идти в одном ритме с грохотом неисправной циркулярной пилы, смысловой нагрузки не несли и более всего напоминали крик человека, падающего с большой высоты. Впрочем, один раз Лина отчетливо различила слово «любовь», что еще больше сбilo ее с толку. Слишком уж сильно диссонировало это понятие с предсмертными криками.

Переключив на другую станцию, она наткнулась на более понятную песню. Музыка здесь и не пахло, но зато слова были в основном понятны. Простым, доступным языком, практически, говоря речитативом, мужской голос рассказал краткую биографию Антихриста, начиная с момента его ночного рождения в уединенном месте под охраной падшего ангела. Лина прослушала ее с интересом – в Монастыре подобное, разумеется, не услышишь. Этот канал ей понравился, но, как назло, после второй, тоже вполне понятной песни, пошел блок кратких новостей. Она было потянулась переключить приемник на другую станцию, но тут же отдернула руку: «...Новые подробности из Моврина. Как мы уже сообщали, сегодня утром произошел сильный взрыв на складе боеприпасов в девяти километрах к востоку от города. После него большое количество артиллерийских снарядов разбросало по окрестностям. Начата эвакуация близлежащих деревень. Причины взрыва пока неизвестны, не исключен террористический акт. Минобороны пока никак не прокомментировало случившееся. Так же неизвестно, насколько соответствуют слухи о наличии на складе химического оружия. А теперь новости московского зоопарка. Сегодня у шимпанзе...»

Лина прослушала сообщение о прибавлении в обезьяньем семействе, но оно прошло мимо ее сознания. В отличие от дикторши, она прекрасно знала, что в девяти километрах к востоку от Моврина артиллерийских складов нет и никогда не было. Нет там и складов валенок или противогаров, там вообще нет никаких государственных складов или других армейских объектов. Зато там есть «Христианский женский центр благородного воспитания» – так официально назывался Монастырь, это и было написано на вывеске перед въездом. На его полигоне имелся склад боеприпасов, некоторое количество патронов хранилось в оружейке при втором учебном корпусе. Однако вряд ли они могут вызвать настолько сильный взрыв, что придется эвакуировать жителей близлежащих населенных пунктов. Да и артиллерийских снарядов там нет – кроме как из минометов, воспитанницы не стреляли. Их обучали стрельбе из гаубиц, но только в теории, на уровне «потяни за эту пипочку, и пушечка бабахнет».

Девушка даже позабыла о мерзком запахе – в голове воцарился сумбур, она не верила, что в Монастыре могло произойти что-то ужасное, но тем не менее события последнего времени выстраивались в зловещую цепочку, старающуюся удушить растерявшуюся воспитанницу. Вокруг что-то происходило, что-то нехорошее, страшное – Лина чувствовала себя пылинкой, попавшей в смерч. И при всем при этом мир вокруг нее продолжал жить будничной жизнью:

двое мужчин в замызганных спецовках протащили мимо кабины какие-то тяжелые штуковины, принялись их загружать в кузов, при этом непринужденно беседуя с водителем с помощью трех-четырех слов. Разговор проходил мимо сознания воспитанницы, она даже не покраснела – ей просто дико было видеть будничные действия рабочих, в то время как мир вокруг рушился.

В голову лезли различные предположения, одно нелепее другого. Неудивительно: Монастырь и мир были для Лины синонимами – если с первым что-то случилось, то по ее вселенной нанесен сокрушительный удар. Нет, этого просто не может быть: Монастырь вечен – смертны воспитанницы, ничто не способно поколебать его древние стены. Хватит терзать себя – надо отбросить мешающие мысли. Душевное равновесие – часть силы выпускницы, не стоит ее разбазаривать. Есть приказ, он должен быть выполнен, все остальное – мелочи, не заслуживающие внимания.

Процесс восстановления душевного равновесия был прерван появлением водителя. Захлопнув за собой дверь, он весело гикнул:

– Эх! Сейчас с ветерком прокачу через Плющевку! Еще пара минут, и сдохнем тут. Сейчас...

Однако «сейчас» задерживалось – двигатель отказывался заводиться. Шофер с пулеметной скоростью отвешивал матерные рулады, но запугать ими мотор не получалось – кроме нескольких чихов, никакой активности он не проявил. Лина с ужасом подумала было, что из этой зловонной местности придется выбираться пешком, но тут техника перестала капризничать – после очередной попытки раздался уверенный рокот.

Уже выезжая за ворота, водитель, прикуривая очередную сигарету, заявил:

– На таком воздухе даже мотор не хочет работать. Сейчас дымком вонищу разбавим.

Лина кивнула – табачный дым казался ей сейчас чуть ли не божественной амброзией. От души затянувшись, шофер выдохнул немалое облако на ветровое стекло и с досадой произнес:

– Первый раз такое... Движок у меня как часы работает, заводится с полунамека. Что такое, сам не пойму, надо вечером посмотреть. Ну чё сидишь? – чуть не выкрикнул он.

Лина удивленно захлопала глазами, не улавливая смысл вопроса. Хохотнув, водитель пояснил:

– Окно открывай, да побыстрее. И не зыркай, как корова на случке, тут можно. Сральня позади осталась, а ветер напрямиком на нас, аромат тут просто зашибись.

Девушка поспешно опустила стекло. Встречный поток воздуха почти мгновенно выдул из кабины остатки зловонной атмосферы – только сейчас Лина смогла вздохнуть полной грудью, ее тонкое обоняние никогда прежде не подверглась столь серьезному испытанию. В голове тем временем полным ходом шел процесс идентификации географического объекта «Плющевка». Успехом он не увенчался – топонимов с подобными названиями в России немало. Кроме того, после истории с насосной станцией, обозванной нехорошим словом, Лина не доверяла терминологии водителя.

Тем временем грузовик свернул с разбитого асфальта, затрясся по плохо накатанной грунтовке, петляющей среди густого леса, полностью затянутого кустарником. Через пару минут он выехал к излучине маленькой речушки, остановившись посреди ровенького луга, во многих местах изуродованного следами кострищ. Судя по мусору и многочисленным пустым бутылкам, это место пользовалось популярностью у любителей незатейливого импровизированного отдыха.

Водитель заглушил двигатель, весело хлопнул Лину по бедру и поинтересовался:

– Зовут-то тебя как? Меня вот обычно, Колей.

Девушка подумала было возмутиться на столь фамильярное поведение шофера, но потерялась, не выработав линию поведения в такой обстановке. Отодвинувшись к двери, она почти бессознательно ответила:

– Алина.

– Эх, Алинка, Алинка! До чего ты хороша – будто ягодка-малинка! Тебе бы еще сиськи побольше да глаза повеселее – и цены бы не было. Даже в солдатских брюках козочкой смотришься. Ну пошли.

Достав из-за сиденья свернутую грязную куртку, он, распахнув дверь, спрыгнул на землю и, обернувшись к недоумевающей девушке, нетерпеливо рявкнул:

– Ну что расселась как засватанная. Выходи, Алиночка, расплачиваться будем.

Воспитаннице не хватало жизненного опыта, но это не помешало ей понять, что понятия «оплаты» у нее и водителя несколько различаются. Однако отвечать ничего не стала, спокойно покинула кабину.

Шофер тем временем расстелил куртку на увядающей траве, отбросив при этом парочку мешавших бутылок, после чего, обернувшись к девушке, деловито пояснил:

– Ты пока не ложись, начнем с маленькой. Ох, и красивая же ты, Алинка! Как же я тебя раньше-то не заметил!

– Пойдите, Николай! – требовательно произнесла девушка. – Вы несколько заблуждаетесь в отношении меня. Я согласна оплатить проезд, но деньгами, заниматься с вами сексом я не намерена.

– Ты чё несешь, коза драная? – внезапно вспылил водитель и, торопливо расстегивая брюки, шипящим голосом добавил: – Иди сюда... На колени! Ишь ты, нашла где хвостом крутить! И не строй из себя целку, никто тебя силком не тащил, сама села, сама платить согласилась!

Спорить со странной логикой водителя Лина не стала. Она понимала, что психологически подавить его будет затруднительно. Учитывая ее пол, возраст и хрупкое телосложение, подчинить своей воле массивного возбужденного самца одними словами не получится. Здесь нужен настоящий талант, а у девушки он отсутствовал. Впрочем, у нее имелись весьма полезные навыки, компенсирующие этот недостаток.

Лина улыбнулась настолько мило и притягательно, что водитель замер, перестав возиться с заевшим замком штанов. Закончив первую стадию операции по подавлению чужой воли, девушка приступила ко второй, более контрастной, реализуя на практике один из методов защиты от насильников, – в Монастыре этому учили, начиная с двенадцати лет, вдальбивая в головы воспитанниц различные модели поведения. Шагнув вперед, она подняла руки к шее, имитируя расстегивание пуговиц. Завороженный водитель даже не понял, что пуговиц на футболке нет. В следующий миг Лина от души врезала ему твердым носком ботинка по голени.

– ...!!! – взвыл водитель, запрыгав на второй ноге.

Терпеливо дождавшись удобного момента, Лина повторила садистскую шутку со второй голенью – шофер подавился новым криком и присел, обнимая колени. Ноги у девушки были сильные, ботинки крепкие, она бы не удивилась, если б оказалось, что на костях мужчины появились трещины. Но и без них ему очень больно – Лине тоже приходилось получать подобные удары. Разумеется, они были не столь жестокие, но ощущения запомнились на всю жизнь. Она было замахнулась для завершающего удара в затылок, но тут же себя одернула. Кто знает, к чему может привести такая травма? Убивать водителя или серьезно его калечить не стоило – он того не заслуживал. А самое главное – шофер еще был нужен.

Достав свое единственное оружие – нож, возвращенный Клешом, Лина терпеливо дождалась окончания первичного шока, после чего встала перед глазами водителя. Подняв пластиковую бутылку из-под пива, она неторопливо, скупыми, уверенными движениями разрежала ее на десятки тонких колец. Острейший нож, способный рубить волосинки на лету, резал пластик почти без звука, будто это было подтаявшее масло. Отбросив остатки доньшка, девушка взглянула в перепуганные глаза замершего водителя и очень спокойным, уверенным голосом произнесла:

– Николай, ты жив только потому, что мне лень самой сидеть за рулем. Но в этом вопросе я себя пересилить как-нибудь смогу. Так что у тебя два выхода: или ты отвезешь меня в город, или я отрежу тебе голову. Итак, что ты предпочитаешь?

Икнув, водитель чуть ли не плаксиво взвыл:

– Ну твою мать! Где были мои глаза! Видел же, что на биксу из бурсы ты никак не катишь! Ну попал, ну, дурак! Слушай...

– Уважаемый, – перебила его Лина, – из всего потока текста я так и не уловила ответ на свой вопрос. Ну?

– Отвезу, отвезу! – затараторил воитель. – Я и деньги тебе все отдам, только не махай ножом-то!

– В машину, – коротко скомандовала девушка, пустив в глаза водителю солнечный зайчик от лезвия.

Это оказало на него неожиданное воздействие – по-мышинному пискнув, он проворно вскочил и бросился в сторону ближайших зарослей. Лина без раздумий рванула за ним – она понятия не имела, как добраться до города и что вообще это за город, лишаться такого проводника в ее планы не входило. Водитель проявил немалую прыть, что при его упитанности было просто поразительно. Однако преследование закончилось, едва начавшись, – воспитаннице помогла бутылка, подвернувшаяся под ногу мужчины. Ступня уехала назад, он с сочным звуком плюхнулся плашмя в свежее кострище, подняв тучу пепла, после чего остался лежать в этой позе, еле слышно поскуливая.

Неспешно подойдя поближе, Лина легонько пнула его в бок:

– Николай, вы что, спать здесь собрались?

– Не убивай, – чуть не простонал водитель, не поднимая головы.

– Эх вы! – вздохнула Лина. – И где же ваша смелость? Так испугаться простой девчонки!

Вставайте немедленно, нам пора ехать.

Мужчина покорно поднялся, еле переставляя ноги, направился к машине. Лина чувствовала себя польщенной – еще бы, парочкой ударов по голени и демонстрацией ножа она заставила повиноваться себе взрослого, физически крепкого мужчину. К счастью для ее гордости, она не могла прочесть мысли своей жертвы. Увы, шофер боялся не столько Лину, сколько своих собственных страхов. Не так давно в районе убили двух дальнобойщиков, после чего сплетни раздули их число до шести. Более того, молва нарисовала подозреваемую – красивую б..., подсаживающуюся в машину. Завлекая несчастных водителей в укромные места, она доставала финку. И понеслась...

В общем, завидев нож в руке своей пассажирки, водитель едва не обмочился. Он не был суперменом и даже не мыслил дать отпор жуткой девушке. Та, не зная об этом, закрыв дверь, пригрозила:

– Николай, даже не думай со мной шутить! Убивать я тебя не стану, просто глаз вырежу, одного тебе вполне хватит, чтобы следить за дорогой.

– Вырезай! – обреченно выдохнул водитель. – Только не убивай!

– Хватит ныть! Поехали!

Страх шофера, вероятно, передался и машине – грузовик легко завелся с первой попытки. Николай вцепился в баранку, но ехать не спешил, он вообще почти не шевелился, если не считать нескончаемой попытки отодвинуться подальше от пассажирки.

– Ну? – не выдержала Лина. – Почему стоим?

– А куда ехать? – в свою очередь спросил водитель.

– Вы странный человек! – удивилась девушка. – В город собирались, вот и езжайте в город.

– А... Это... Там мимо поста придется ехать. Могут остановить...

– Ничего страшного, – спокойно ответила Лина. – Покажете права, у меня документы тоже в порядке. А если крик поднимете, печень вырежу.

Девушка хотела было добавить «и съем», но постеснялась – явный перебор. Николая и так трясло будто под высоким напряжением. Его зубы временами начинали отбивать отчетливую чечетку, Лина впервые убедилась, что они действительно могут лязгать от страха. Включив передачу, он вывернул руль, уезжая с гостеприимной полянки.

Куртка осталась лежать на вытоптанной траве, водитель о ней и не вспомнил, что неудивительно. Едва по бокам замелькали лесные заросли, он вздрогнул от несколько странного вопроса опасной пассажирки:

– Николай, коротко, без лишних подробностей объясни, где мы находимся.

– В смысле? – не понял шофер.

Сохранив самый серьезный вид, девушка пояснила:

– То, что мы на Земле, я знаю. Пожалуйста, объясни подробнее, где именно на Земле?

За время проведения операции Ланс ни разу не присел: он или стоял посреди подземного зала, либо прохаживался мимо столов и пультов, следя за работой сотрудников. Его мрачная аура действовала безотказно – никто даже не выходил на перекуры, все выполняли свое дело с максимальной самоотдачей. Однако магистр не только стоял над душой у штабистов, он непрерывно напитывал свой мозг самой разнообразной информацией, поступающей из многочисленных источников.

Вот и сейчас, стоя возле шеренги связистов, он изучал свежую распечатку со списком потерь. Даже их значительное превышение над запланированными цифрами не отразилось на бесстрашном, будто высеченном из камня лице. Честно говоря, ему было глубоко наплевать на количество потерянных самолетов и пилотов – Ланс пытался установить, смог ли кто-то из противников спастись из монастырского комплекса. Во всем списке его насторожил один-единственный пункт.

Развернувшись, он отыскал взглядом ответственного сотрудника, но подходить не стал. Тот сам поднял голову и поспешно направился к магистру.

– Что-то не так? – осторожно поинтересовался мужчина, замерев в двух шагах.

– Да. Истребитель четырнадцать сорок два. Он потерян в ста десяти километрах от места событий. Как это произошло?

– Достоверно пока неизвестно. Его направили на перехват вертолета, незадолго перед началом операции покинувшего воздушное пространство Монастыря. Первая атака победы не принесла, на втором заходе пропала связь, радары близлежащих объектов Ордена зафиксировали его резкое снижение и потеряли контакт.

– А вертолет?

– Тоже упал. Разведывательный самолет уже нашел его обломки, истребитель лежит в двух километрах. Сейчас на место выехали наши сотрудники для организации легенды происшедшего. Местность густонаселенная, слишком многие видели бой и катастрофу. Сами понимаете...

– Ваши действия бездарны, – равнодушно произнес Ланс. – Немедленно отправьте на место группу специалистов для изучения местности и обломков машин. Необходимо установить, сколько людей было в вертолете и спасся ли кто-нибудь из них. Хорошо бы также идентифицировать их личности.

– Частично это известно, – поспешно заявил сотрудник. – Судя по одному из последних радиоперехватов, на борту находилась Ветрова Алина, она известная воспитанница Монастыря, Практикантка.

– Я прекрасно знаю, кто она, – холодно ответил Ланс. – Предоставьте мне полные данные по радиоперехвату и выполняйте указание.

На лице Ланса впервые обозначилось что-то похожее на гримасу. Он посмотрел в дальний угол центра, где с одного из мониторов испуганно смотрела симпатичная девушка. Снимок был сделан около года назад в Монастыре, а после июньских боевых действий долго пользовался популярностью. Магистр прекрасно помнил все перипетии таежной войны. Впрочем, сейчас он размышлял не о подробностях тех событий, он думал об этой странной девушке, выбравшейся живой из настоящего ада, поставив при этом в тупик лучших ученых Ордена. Ему не понравилось, что эта же воспитанница принимала участие в неравном поединке между вертолетом и истребителем, закончившемся вничью. Ветрова была везучей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.